

ИГОРЬ КОСТЮЧЕНКО

ВРАГ ГЕНЕРАЛА ДЕМИДОВА

РОМАН

Игорь Костюченко

Враг генерала Демидова. Роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24257865

ISBN 9785448525544

Аннотация

1944 год. Войска талантливого полководца РККА генерала Демидова освободили Вильно и рвутся в сердце Восточной Пруссии. Убить Демидова – только так суперагент абвера Майер сможет оправдаться перед Отто Скорцени за провал спецоперации во время Тегеранской конференции (убийство Сталина). Майер посылает в штаб Демидова группу диверсантов, один из которых работает на советскую разведку. Капитан Евгений Костин обязан сорвать план немецкой разведки.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	13
Глава третья	23
Глава четвертая	29
Глава пятая	42
Глава шестая	51
Глава седьмая	59
Глава восьмая	71
Глава девятая	82
Глава десятая	89
Глава одиннадцатая	99
Глава двенадцатая	117
Глава тринадцатая	123
Глава четырнадцатая	130
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Враг генерала Демидова

Роман

Игорь Костюченко

© Игорь Костюченко, 2017

ISBN 978-5-4485-2554-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Тегеран. 1943 год, июнь

Ибрагим опустил кувшин в арык, с трудом удерживая равновесие на скользких, мшистых камнях. «Медный кумган, единственное наследство после смерти матери, слишком тяжел для семилетнего мальчишки, – думал он, – Но без него как добыть кусок лепешки?»

Кувшин старательно кормил своего маленького хозяина. Каждое утро Ибрагим приносил в нем воду в дом у заставы, где уже два месяца жил белокурый северянин-урус, отлично говоривший на фарси.

Урус был очень веселый. И щедрый. Никогда не скупился, оплачивая звонким риалом нелегкий труд Ибрагима. Впридачу к монете у него всегда находилась для парня озорная шутка. Ибрагим не без успеха повторял его шутки хорасанским евреям, торговавшим в сапожных лавках у Шахской мечети. Им мальчишка тоже исправно таскал воду. Хорасанцы хохотали и хвалили Ибрагима за добрый нрав и острое, как бритва, словцо.

Взвалив на плечо кувшин, Ибрагим поднялся по откосу к залитой лунным светом дороге, пустынной в этот еще слишком ранний предрассветный час. Самые бедные и самые старательные тегеранские торговцы спешили по ней

в это время на рынок. Такие, как старик-разносчик, упорно толкавший впереди себя двухколесную повозку, груженную нищенским скарбом. Ибрагим знал этого старика – с рассвета до полудня он предлагал редким покупателям у Шахской мечети нужную в сапожном деле всячину – пряжки, гвозди, замочки, подковки, иглы, дратву, ваксу и сапожный вар. После полудня старый разносчик торговал в кварталах за арыком, у дома, на котором развевался флаг англизов.

Мальчик долго, с жалостью смотрел вслед старику, пока тот, устало шаркая по пыльной дороге стоптанными туфлями, не скрылся за поворотом дороги...

Ибрагим вздохнул, побрел по кремнистому пути.

Он не сделал и десятка шагов, когда за его плечами взревел мотор. Ибрагим обернулся – его ослепил свет. Огненный всполох мощных фар был последним, что увидел Ибрагим в своей короткой жизни...

Блеснув лаком под луной, черный «майбах» на бешеной скорости зацепил бампером водноса. Ибрагим кубарем полетел на смертельно-острый придорожный гранит.

Черный «майбах», скрипнув тормозами, взрыл землю, замер. Фары погасли.

Сухощавый блондин, сидевший за рулем, выключил двигатель, закурил, посмотрел на крытый черепицей, по-европейски, особняк – окна его были тщательно прикрыты ставнями. На второй этаж дома вела ветхая наружная лестница.

Возле нее пылился старенький «форд» с брезентовым тентом.

Стало очень тихо. Скрипели невдалеке несмазанные колеса ручной тележки.

К «майбаху» приблизился старик-разносчик. Он устало разогнул спину, скинул со рта платок, спасавший от пыли. Лунный свет выбелил длинное лицо, гладко выбритое и темное от загара, взрезанное двумя параллельными глубокими морщинами. Впереди всего лица горели болотным светом пристальные, умные, пронзительные глаза. Старик неприметно кивнул на дом с лестницей, на припаркованный «форд», сказал, с аккуратным берлинским выговором.

– Окружайте дом. Это машина русского... из посольства. Тот, кто пришел на встречу с ним, мне нужен живым.

Сказав, он прикрыл лицо платком, налег на деревянные поручни и толкнул тележку. Через минуту скрылся в тени чинар, нависавших над глинобитным забором.

Блондин вышел из «майбаха», жадно затянулся, помахал сигареткой, подавая кому-то, скрывавшемуся возле дома, тайный знак. Отшвырнув окурок, придавил его каблуком одного штиблета, выхватил из-за спины парабеллум, плавным жестом профессионала сорвал рычажок предохранителя.

Через дорогу рванулись стремительные тени. Трое мужчин в штатском, вооруженных десантными немецкими автоматами, ступили один за другим на шаткую лестницу, стали подниматься на второй этаж, стараясь двигаться как можно

тише и осторожнее.

Они не преодолели и половины ступенек, когда дверь на площадке второго этажа распахнулась – молодой европеец в шляпе и шоферской куртке безмолвно выстрелил в них из револьвера. И тут же метнулся обратно в дом. Первый из нападавших, плечистый верзила, шедший впереди всех, упал и грузно покатился с крутой лестницы.

Треск автоматных очередей, проклятия, крики боли...

Автоматчики, стреляя на ходу, взбежали по лестнице, ворвались в дом...

Сразу за дверью начиналась большая комната. В полумраке они ничего не могли разглядеть. Сквозь закрытые ставни струились пыльные полосы лунного света.

– Осторожно, Пауль... Он где-то здесь, – сказал коренастый крепыш, проскальзывая в глубину комнаты и прикрываясь за выступом стены.

– Я ничего не вижу, Генрих!

Крепыш Генрих мигом оказался у окна, ухватился рукой за крючок, намереваясь откинуть одну из ставней.

Шорох...

У окна мелькнула тень...

Мрак прорезала автоматная очередь. Пауль не выдержал: яростно, наугад стрелял в глубину комнаты. Еще и еще.

– Не стрелять! – приказал Генрих.

Автомат Пауля умолк.

Генрих прижался к стене, прислушиваясь к тишине – ни

малейшего звука.

– Что там у вас, Генрих? – раздался из-за двери приглушенный голос сухощавого блондина.

– Похоже, его здесь нет, герр Вильке, – отозвался Генрих и сбросил крючок со ставни, сразу подавшейся на него.

Поток лунного света хлынул в комнату. И вместе с ним – из мрака ослепительной молнией сверкнул острый, как бритва, дамасский клинок.

Генрих коротко всхлипнул и осел под окном, обливаясь кровью, бурлившей из его перерезанного горла.

Неизвестный в бурнuse, какие носили кочевники-кашкаи, приезжавшие в Тегеран с иранских нагорий, не глядя, метнул нож в грудь Пауля, не успевшего вскинуть автомат.

В комнату тут же вломились еще трое агентов. Но они опоздали.

Кашкай с ловкостью степной рыси прыгнул к окну, рванул на себя прикрывавшую вторую половину окна ставню и выбросился во двор.

Пули свистели над ним, рвали в щепу кусты чахлого саксаула, а кашкай перекатывался по хрустящему гравию, щедро насыпанного во дворе, часто и метко отстреливался. Немецкий агент, неосторожно приблизившийся к окну, рухнул с крыши на кучу камней во двор.

– Братъ живым! – закричал Вильке.

Кашкай вскочил, метнулся к глинобитному дувалу, ловко перебросил через него свое тело. Со второго этажа до-

ма Вильке видел, как кочевник бежал через соседний двор, стремясь поскорее выбраться в лабиринт переулков. Отсюда он легко мог прорваться к мосту через арык, опоясывавший окраину этого квартала тегеранского предместья.

Кашкай не жалел ног. Он бежал изо всех сил, отчаянно колотил босыми пятками по пыльному проулку, стремясь оторваться от преследователей. И это ему почти удалось. До моста оставалось совсем немного. Еще каких-нибудь сто-две-сти метров, и...

Но дорогу беглецу преградил черный «майбах». Он тяжело вынырнул из-за поворота, отрезав путь к спасению. Вильке, управлявший машиной, внезапно затормозил у самых ног беглеца. Кашкай едва отскочил к берегу арыка, чудом не оказавшись под колесами «майбаха».

Кочевник медленно отступал по краю крутого, почти отвесного берега.

Вильке неспешно покинул «майбах», властным жестом остановил своих боевиков, замерших в трех шагах от беглеца, направивших на него стволы автоматов.

– Теперь он наш! – вздохнул Вильке, вытирая шляпой обильный пот с лица. Он указал своим людям на кашкай. – Берите его!

Кашкай стоял на краю арыка, не шевелясь. Он выжидал, когда первый из немецких агентов шагнет к нему. Но и агенты не двигались. Они тоже выжидали – когда кашкай сми-

рится со своей участью, рассчитывая на пощаду.

– Взять! Чего вы ждете! – нервно закричал Вильке.

И агенты сразу же бросились к кочевнику. Дружно, все сразу.

Легко качнувшись, кашкай оттолкнулся от берега и полетел вниз, к струившемуся на дне арыка мутному потоку. Ломая кусты, он врезался в воду и мгновенно скрылся под ее толщей.

Немецкие агенты бежали вперед, к камням на краю берега, стреляли длинными очередями в грохочущие буруны. Желтые световые пятна карманных фонарей скользили по скальным глыбам...

– Дьявольщина! Доннерветтер! – свирепо ругался Вильке, с ненавистью вглядываясь в хмурые и растерянные лица своих людей.

Рядом с Вильке раздался тихий и ровный, чуть хрипловатый, знакомый голос.

– Вы видели его лицо?

Вильке оглянулся. Майер равнодушно созерцал то, как струи грохочущего по камням потока дробили лунный свет. Он поправил рваный платок и сказал.

– Его нужно было взять живым, Вильке. Тогда бы мы точно узнали, с кем встречался русский.

– Это был кашкай. Кочевник с гор. Только они так умеют обращаться с ножом... Я потерял четверых. Генриху он снес голову одним махом.

Майер невозмутимо пожал плечами.

– Любой из моих людей сможет тоже самое. Но... Мне нужно его тело...

Вильке только развел руками.

– Это невозможно... Он прыгнул в пропасть раньше, чем мы успели подойти...

– Наплевать, Вильке! – с прежним спокойствием сказал Майер. – Достаньте тело! Следует выяснить, кто нас предал!

Вильке нерешительно посмотрел вниз, на поток...

– Хорошо. Я прикажу... Тело найдут... А сейчас, – Вильке оглянулся, – нам пора уходить отсюда.

Вдали звонкой трелью уже пели полицейские свистки, ревели моторы мощных армейских студебеккеров.

– Английский патруль на соседней улице. Будут здесь через минуту... – доложил Вильке подбежавший агент.

– Уходим! – Вильке прыгнул за руль «майбаха», увлекая за собой Майера...

Британский патруль, оказавшийся на месте происшествия действительно ровно через минуту, обнаружил на гравии только отпечатки автомобильных протекторов, следы подбитых гвоздями альпинистских ботинок и множество стреляных автоматных гильз, разбросанных по всему берегу арыка.

Глава вторая

Берлин. 1944 год, август

– «Молочный» отходит по расписанию. Через полчаса. Ты слышишь меня, Герди? – голос Ады Паппенгейм дрожал.

«Молочным» называли пригородный поезд, который отходил на Потсдам в половине двенадцатого. С ним отправлялись в окрестные от Берлина деревушки розовощекие бауэрши, привозившие клиентам в столицу рейха так резко вздорожавшие в последние месяцы молочные продукты. Этим поездом Герди и Готфрид отправлялись по воскресеньям на свою виллу в пригороде. Вчера Готфрид уехал туда, чтобы, как он сказал жене, спокойно поработать с бумагами на свежем воздухе.

Голос Ады Паппенгейм сообщил Герди Грот одно – ее мужу Готфриду угрожает опасность. Супруг Ады, крупный чиновник германского МИДа и коллега Готфрида, попал под подозрение. Значит и Готфридом вскоре заинтересуется тайная полиция. Герди должна срочно выехать за город, на виллу и предупредить мужа, чтобы он смог уничтожить опасные бумаги еще до появления ищеек из гестапо.

Герди тут же повесила трубку, бессильно опустилась на банкетку. По щекам текли слезы, горло сжимал огненный обруч. Ей хотелось кричать, плакать навзрыд.

Майер! Во всем виноват негодяй Майер. Это он разрушил тихое благополучие и семейное счастье – их с Готфридом. Ведь он познакомил Готфрида со своим шефом – Канарисом. Однажды он приехал с главным шпионом рейха в дом Гротов, в особняк на Кенигштрассе. Готфриду Гроту, высокопоставленному чиновнику германского МИДа, нашлось о чем поговорить с шефом Абвера. Герди слышала, как они втроем – муж, Канарис и Майер – часа три толковали об искусстве, поэзии, античной истории.

– Мы наденем туники Несса, чтобы покончить с Сатаной, – решительно сказал за десертом адмирал. Герди вспомнила, как загадочно улыбнулся на эту фразу Майер, а взволнованный Готфрид опрокинул на новый костюм, прямо на дорогой пиджак, великолепного контрабандного английского сукна, бокал старого мозельвейна.

О, если бы Герди поняла тогда намек адмирала Канариса! Возможно, ей удалось бы удержать мужа от посещений клуба, в котором завсегдатаями были граф фон Штауфенберг и его присные.

Только вчера, в их спальне, готовясь ко сну, Готфрид объяснил Герди смысл странной фразы адмирала. Канарис намекал на греческого кентавра Несса, убитого Гераклом с помощью стрелы, пропитанной ядом лернейской гидры. Впоследствии Геракл скончался, надев рубашку, пропитанную кровью умирающего Несса.

Герди подумала о бомбе графа фон Штауфенберга¹, которая должна была оборвать жизнь Адольфа Гитлера, но закончила со многими симпатичными господами из берлинского бомонда. Все они оказались в подземной тюрьме страшного здания на ПринцАльбрехтштрассе.

Неужели и Готфрида постигнет их участь?

Герди с ужасом посмотрела на громадные бронзовые часы, изображавшие триумф Венеры – Готфрид по совету Майера интересовался антиквариатом. Стрелки на часах приближались к одиннадцати. Что, если агенты Гиммлера уже обыскивают их виллу в Потсдаме? Нет, она не должна опоздать.

Через полтора часа Герди бежала по усыпанной битым кирпичом садовой дорожке. Дверь на застекленную веранду зимнего сада была отворена. И Герди ворвалась в оранжею, едва не поскользнувшись на мраморных ступенях.

Крепкая мужская рука подхватила ее локоть.

– Осторожно, фрау Грот! Не спешите!

Представительный, высокий и энергичный, облаченный в элегантный смокинг от Валентино и свободную голландскую рубашку с кашне, мужчина – Лео Майер – улыбался Герди, как обычно – учтиво и холодно. На его висках серебрилась благородная седина, лоб и скулы покрывала сетка

¹ Граф Клаус фон Штауфенберг – один из организаторов покушения на Гитлера в июле 1944 года.

неглубоких морщин, но загорелый и подтянутый, он выглядел значительно моложе своих шестидесяти с лишним лет. Герди решительно, не скрывая ненависти, вырвала из его руки локоть, тревожно оглянулась.

– Майер? Что вы здесь делаете?

– Работаю.

– С Готфридом?

– Конечно.

– Где он?

– Здесь, в кабинете. Но он пока занят. Просил не беспокоить.

– Вот как? И это вы говорите мне? Его законной жене?

Герди угрожающе приблизилась к Майеру.

– Вы позволите мне пройти? К моему мужу...

– Как хотите...

Майер пожал плечами и отступил на три шага, освобождая для Герди проход между громадными фикусами, посаженными в керамические кадки.

Цокая каблучками, Герди легко пробежала в холл. Майер шел за ней. Герди поднялась на второй этаж, распахнула массивные, инкрустированные сандаловым деревом, двери кабинета мужа. И замерла на пороге.

Готфрид сидел у распахнутого окна. Кисейная занавеска трепетала на его неподвижном лице – известково-белом. По виску ползло густое липкое пятно. Опущенная на пол рука сжимала пистолет.

– Готфрид! – закричала Герди и бросилась к мужу. Но Готфрид не мог услышать ее. Он был мертв.

Герди упала на колени. Она схватила руку мертвого мужа, с трудом вырвала из холодных скрюченных пальцев пи-
столет, отшвырнула его. Она неистово целовала его лицо –
мертвые глаза, губы, кровавый висок.

– Зачем? Зачем, Готфрид? Я же просила тебя... умоля-
ла... Зачем?

Двое мужчин в одинаковых темных костюмах, неслышно,
как тени, появившиеся в кабинете, подхватили судорожно
изгибающуюся, рыдающую Герди.

– Прикажете отвезти ее в управление, майор Вильке? – по-
чтительно осведомился один из агентов у сухощавого блон-
дина, появившегося в кабинете вслед за своими людьми
также бесшумно, как и они.

– Нет, Герберт, – сказал блондин, – займитесь ей прямо
здесь. Мне нужен быстрый результат.

Вильке бросил на Майера быстрый многообещающий
взгляд и наклонился над Герди.

– Извините, фрау Грот, но ваш муж отказался рассказать
нам, где он прятал ключи от своего сейфа. Может быть, вы
поможете нам?

Герди медленно подняла голову. Каждое слово она пыта-
лась выговорить отчетливо, но ей это удавалось с трудом.

– Муж... не посвящал... меня... в свои дела... господи.

Вильке выпрямил спину.

– Очень, очень жаль, фрау Грот. Но я не могу вам поверить. Впрочем, скоро вы будете более откровенны... с нами...

Повинуясь взмаху руки Вильке, агенты вывели фрау Грот из кабинета.

Через полчаса один из сумрачных бесцветных людей, наполнивших виллу Грота, вручил Вильке скромную папку в сером дерматиновом переплете. Пролистав несколько страниц, Вильке облегченно вздохнул и повернулся к Майеру:

– Что ж, Майер. Неплохо, совсем неплохо. Герберт умеет разговаривать с дамами. В этой папке стенографическая запись беседы Канариса, Грота и еще кое-каких господ. Вот, тут и ваше имя, Майер. В третьем абзаце. Вы позволили себе две реплики. Немного, но достаточно для того, чтобы судьи имперского трибунала приобщили этот документ к делу?

– Стенограмму чего? Дружеской беседы за обильным столом? Что вы докажете этой бумажкой?

– Ваше предательство, Майер. То, что покушение на фюрера подготовили вы. По приказу вашего шефа – адмирала Канариса.

– Вы нашли какое-то упоминание о покушении в этой стенограмме? Поздравляю вас, Вильке, вы совершаете чудеса проницательности, – усмехнулся Майер.

– Рано или поздно вы сознаетесь, уверяю... Специалист по покушениям вашего класса... Не верю, что этот болван

фон Штауфенберг смог без вашей помощи разработать серьезную акцию. Пронести бомбу на совещание – каждый сможет... Вот только, как... И когда...

– Вздор. Я не имею к заговору никакого отношения.

– Тогда зачем вы водили дружбу с Гротом?

– Грот собирал антиквариат. Как и я.

– Бросьте. Это же смешно. Ваш адмирал заварил кашу по приказу своих британских хозяев. А вы всегда блестяще выполняли заказы старого лиса. Вот и на этот раз...

– Вы ошибаетесь, Вильке. Вы хотите утопить меня, чтобы отомстить мне за ваш провал в Тегеране².

Вильке побагровел, стиснул кулак. Долго молчал, играя желваками на скулах, вышагивал по кабинету Грота. Наконец сказал, медленно, тщательно разделяя каждое слово.

– Итак, Майер. Вам повезло. Во-первых, в том, что у меня пока нет прямых доказательств вашей причастности к покушению на фюрера. Только косвенные. Во-вторых, в том, что сам Скорцени слишком высокого мнения о вашей персоне. И в-третьих, что адмирал Канарис уже пребывает в луч-

² Тегеранская конференция состоялась 28 ноября – 1 декабря в Тегеране (Иран). В ходе ее руководители трех союзных во 2-й мировой войне держав – СССР (И. В. Сталин), США (Ф. Рузвельт) и Великобритании (У. Черчилль) – приняли Декларации о действиях в войне против Германии и о послевоенном сотрудничестве, решение об открытии не позднее 1 мая 1944 второго фронта в Европе, о послевоенных границах Польши и др. Делегация СССР обещала объявить войну Японии после разгрома германской армии. Германские спецслужбы пытались организовать покушение на руководителей стран антигитлеровской коалиции, которое было предотвращено советской разведкой.

шем мире и ничего нового не может добавить по делу о своем предательстве. Но ваш последний шанс... И единственный... Запомните одно...

– Что же? – невозмутимо и холодно спросил Майер.

– Вы должны доказать вашу лояльность. Рейху и фюреру.

В полной мере.

– Каким образом?

– Вы или ваши люди выполните наше... мое задание...

– Точнее, Вильке.

– Ликвидировать генерала Демидова. И как можно скорее – в ваших интересах. Русский генерал стал слишком опасен. Его танки приближаются к границам Восточной Пруссии, к ставке фюрера.

– Я знаю.

– Тем лучше. Вы, Майер, должны использовать в этой акции своих лучших агентов. И даже того, кем особенно дорожите...

– О ком это вы, Вильке? Не понимаю.

– О Максе. Ведь это его вы так старательно выгораживали после Тегеранской катастрофы.

Майер презрительно скривил тонкие губы, иронично глянул в лицо Вильке.

– Мне надо обдумать ваше предложение.

– Как долго?

– Дня три.

– Три минуты.

– Вы блефуете, Вильке.

– Идите к черту, Майер! Вы будете работать на меня? Или нет?

– Если вы позволите мне отойти от дел и уехать из Европы. Конечно, после завершения всей работы.

– Сделаете дело – а там посмотрим. Короче, соглашайтесь, Майер. Мне противно уламывать вас, как уличную девку. Может быть, мне действительно удастся сделать для вас кое-что...

Майер выдержал паузу, неспешно подошел к письменному столу, небрежно заметив на ходу.

– Вам следовало бы почаще навещать психотерапевта, дружище. Вот вам совет. Пройдите курс аутотренинга. Это укрепит ваши нервы.

Вильке стиснул челюсти, напрягся, как игроман-фанатик, следящий за вращением шального шарика на рулетке. Майер не обращал на него никакого внимания. Внешне совершенно бесстрастный, он раскрыл маленькую записную книжку, взял перо и черкнул несколько строк на ее тонких, рисовой бумаги страницах. Вырвав листок, он протянул его Вильке.

– Передайте это Макс, Вильке. Мы поладим.

Вильке с ужасом отдернул руку от тонкого крошечного листка, будто Майер протягивал ему гремучую змею – кадык дернулся на его жилистой шее.

– Нет, Майер. Вы сами передадите Макс, все, что сочтете нужным. Там, где вы его прячете.

- Хорошо. Тогда прикажите подавать автомобиль. Едем. Немедленно.
- Куда?
- Гассенштрассе, 46. В Берлин.

Глава третья

Москва. 1944 год, август

Рация отдела приема шифрограмм Главного управления контрразведки НКВД СССР принимала Лондон. Голос далекого британского диктора, монотонный и сдержанный, сообщал о стремительном продвижении союзных войск к Парижу.

– В героической столице Франции поднято восстание. Отряды Французского Сопротивления перешли в решительное наступление и заняли вокзал Сен-Лазар, – не менее монотонно переводила дикторский текст старший радист Полина Усатова.

Майор Зыбайло внимательно слушал и курил, не переставая. Он выкурил уже целую пачку «Беломора» – пепельница была переполнена окурками, но зуб ныл и ныл.

– Вы бы лучше в санчасть сходили, товарищ майор, – обрывала свой перевод старший радист. – Что ж так мучится? Глядеть тошно...

– А ты не гляди... – майор выпустил к потолку круглое колечко, потер кулаком челюсть, вздохнул и приказал, – Так, понятно с Лондоном. Давай на Берлин... Интересно, что эти гады геббельсовские сморозят... на злобу дня...

– Есть Берлин, – хмуро сказала Усатова и защелкала

тумблерами. Английскую речь в эфире сменил французский говор. Затем лихо заиграл джазист Байдербек, которого тут же заглушил могучий бас русского певца. Центральное радио транслировало на весь Советский Союз оперу «Князь Игорь».

– Постой, Поля, постой... Да это ж никак сам Яхонтов! – вскричал Зыбайло и тут же забыл про свой больной зуб. Оперу майор уважал. До войны он аккуратно посещал Большой театр. И портрет Яхонтова с автографом, полученном им у певца не без приключений, хранил в служебном сейфе рядом с именным пистолетом ТТ, которым командование наградило его за операцию под Ровно в мае сорок второго.

Майор Зыбайло недолго наслаждался оперным искусством. Вскоре на голос знаменитого московского баса наслоились помехи. Эфир заполонили дребезжание и треск. Сквозь хаос радиоэфира прорывался отдаленный свист. Он все усиливался, пока наконец не превратился в отчетливо различимые точки и тире азбуки Морзе.

Майор удивленно глянул на старшую радистку Усатову. Радистка – на майора.

Усатова щелкнула тумблером – теперь морзянка слышалась без всяких помех, чисто.

– Позывной неизвестен. Контакт по резервному каналу номер 26, – рапортовала радистка.

Майор от неожиданности вскочил со своего стула и сморщился от боли. Дотлевшая папироса обожгла его пальцы.

– Принимай!

– Слушаюсь!

Карандаш заскользил по бланку принимаемых шифрограмм.

– Странно. Этот канал был закрыт еще в сорок первом, – пробормотал майор, тупо наблюдая за тем, как на бланке шифрограммы появляются ровные столбики цифр.

– Прием завершен. Прикажете отвечать? – радист Усатова приготовилась переключить рацию на передачу.

– Я тебе отвечаю... – сердито прорычал Зыбайло, схватил листок с аккуратными столбиками цифр, еще раз просмотрел их, отчеркнул красным карандашом первую строчку – код позывного. Затем бросился к массивному сейфу.

Открыв стальной шкаф, майор Зыбайло извлек из него толстый фолиант. Лихорадочно листая гроссбух, он отыскал страницу, на которой было выведено писарским почерком – «1943 год». Под датой в отдельной графе был тот же код, что и в начале только что полученной шифрограммы. Эту графу кто-то перечеркнул жирной красной чертой.

– Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, – задумчиво присвистнул Зыбайло и с несвойственной его солидной комплекции лихостью порысил к выходу из комнаты, поглядывая на листок шифрограммы.

– Что с вами, товарищ майор? – шифровальщик младший лейтенант Коваленко приподнялся над своим столом с недо-

питым стаканом чая в руке.

Майор Зыбайло, задыхаясь от быстрого бега, выложил перед Коваленко бланк шифрограммы.

– Шифровальная таблица... на этот позывной... сохранилась?

Коваленко поставил стакан на тумбочку и поскреб пятерней затылок.

– Сейчас посмотрим.

– Вот-вот, посмотри, да повнимательнее... А просмотришь – считай, под монастырь попал... И ты. И я с тобой... заодно...

Лейтенант долго выдвигал один за другим ящики картошки, перебирал карточки...

– За сорок третий смотри... Вот чуяло мое сердце – будет сегодня что-то неладное... – нервно посоветовал Зыбайло.

Наконец Коваленко отыскал нужные бумаги.

– Есть, товарищ майор! За сорок третий. Все здесь...

Майор с облегчением вздыхает и утирает платком мокрый от пота лоб, постучал корявым указательным пальцем по столешнице...

– Дешифровать... сейчас же...

– Слушаюсь, – пожал плечами лейтенант и присел к пишущей машинке

Майор придвинул к себе пузатый чайник и дрожащей рукой налил себе стакан чаю...

– Сахару нет? – поинтересовался Зыбайло у Коваленко.

– Кончился, – отрывисто буркнул майору лейтенант и еще сильнее застучал по клавишам «Ундервуда»

Зыбайло иронично усмехнулся – он знал, что Коваленко, как всегда, кривит душой. Рафинад шифровальщик держал в тумбочке. Только вот делиться не любил, даже с начальством, скареничал.

Зыбайло не успел выпить и полстакана чая, как шифровальщик встал из-за машинки и протянул майору раскрытую папку с машинописным текстом.

– Ваше задание выполнено, – по-уставному доложил Коваленко, переходом на уставной тон взаимоотношений намекая майору Зыбайло, что их деловые отношения закончены и теперь больше ничто не задерживает майора в шифровальной.

Но Зыбайло не торопился уходить. Он демонстративно отхлебнул из стакана горьковатого морковного чая, взглянул на машинописные строки.

– БСА3ЛД7ФЕ4КД8, – прочитал майор и удивленно дернул бровью, – абракадабра какая-то. Ты что мне подсунул?

– Расшифровку... Там только это закодировано было.

– И ничего больше?

– Так точно, ничего.

– Не понимаю... Может, таблицу перепутал?

– Никак нет! Три раза проверял!

Зыбайло отставил стакан с недопитым чаем. Подозрительно посмотрел на вытянувшегося перед ним в струну Кова-

ленко.

– Ты с чем чай пьешь, лейтенант? – укоризненно спросил Зыбайло.

– Ни с чем, – с горечью прикусил губу шифровальщик.

– А ну, дыхни, – поманил пальцем Коваленко майор Зыбайло.

Шифровальщик нерешительно замялся. Но Зыбайло призывно поманил его рукой к себе.

– Давай, давай, не стесняйся... Я к тебе, Коваленко, давно присматриваюсь. Выведу сейчас на чистую воду. Не мигновать тебе гауптвахты.

Шифровальщик осторожно наклонился к майорскому плечу. Политично дыхнул – Зыбайло понял: все в порядке, никакого алкоголя. Трезв, как стекло.

Майор тяжело поднялся, захлопнул папку.

– Ладно, извини, Коваленко. Это я так... знаешь... в нашем деле лишняя бдительность не помешает. Ты же чекист, понимать должен.

Зыбайло шагнул к дверям, но внезапно остановился, обернулся к шифровальщику.

– А насчет этого, – он щелкнул корявым пальцем по папке, – заварил ты кашу, братец, своей расшифровкой. Придется депешу теперь самому генералу предъявлять.

Глава четвертая

Москва. 1944 год, август.

Время от времени Елисеев брал остро отточенный карандаш и пальцы его, сухие и сильные, подчеркивая цифры на бланке шифрограммы, слегка дрожали – единственный знак утомления. Направо от генеральской руки слабо дымилась в хрустальной пепельнице простая черешневая трубка.

Полковник Смоляков с жадностью посмотрел на нее и подумал, что и ему не худо было бы закурить. Но Елисеев, поглощенный изучением материалов, которые ему только что принесли из шифровального отдела, курить не предлагал, а самовольничать полковник не привык.

– Вызвали? – генерал со значением посмотрел на полковника.

– Так точно, товарищ генерал. Агапов – наш лучший специалист.

– Опыт работы?

– Тегеранская операция.

– Ах, да. Вспомнил, как же.

– Группа Агапова предотвратила подготовленную немцами атаку британского посольства. И сорвала покушение на лидеров держав-союзниц по антигитлеровской коалиции. Майору Агапову была объявлена личная благодарность то-

варища Сталина.

– Хороший специалист, говоришь... Но ведь ершист... Упрям, на своем стоит...

– Зато именно он вышел на след самого Майера.

– Это тот самый, который еще и Майер?

– Так точно, товарищ генерал. Майер пользуется и этим псевдонимом.

– Любопытно, как его зовут на самом деле?

– Макс пытался выяснить подлинную биографию Майера, но не успел.

– Жаль.

Бесшумно отворилась высокая дверь и в кабинет вошел адъютант генерала, подвижный, весь, как на шарнирах, лейтенант Шилов. За ним – смугловатый, немолодой, но подтянутый офицер.

Шилов молодцевато прищелкнул каблуками и шагнул в сторону, замер возле двери.

Смуглый офицер по-строевому четко, но без суеты (было заметно, что он от души презирал привычку страха перед высоким начальством) прижал обе руки к бокам и рапортовал.

– Товарищ генерал-полковник, майор Агапов по вашему приказанию прибыл.

Генерал озабоченно вздохнул и подтолкнул к краю стола папку с документами из шифровального отдела.

– Проходите, товарищ Агапов. Вот, ознакомьтесь.

Агапов шагнул к столу.

– Присаживайтесь, курите, Антон Иванович, – предложил генерал Елисеев.

– Не курю, товарищ генерал, – сказал Агапов и придвинул к себе документы.

– Два часа назад шифровка пришла... От Макса, – сказал полковник. И Агапов тут же вскинул голову, широко раскрыв глубокие темные глаза.

– Макс? Не может быть. Вы... наверное, шутите, товарищ полковник... Макс погиб в сорок третьем, в Тегеране. Я был на месте его гибели... и видел кровь на скалах... в предместье...

– Что ж... Выходит, Макс с того света отозвался... – иронично и горько усмехнулся полковник Смоляков.

– Этот ваш Макс... Точно не мог остаться в живых? – спросил генерал.

– Никак нет, товарищ генерал, – решительно сказал Смоляков, мгновенно позабыв о прежней иронии.

– Наш агент, который знал его лично, был раскрыт и погиб при невыясненных обстоятельствах. После этого контакты с нами Макс прекратил. Естественно, мы решили: провал, – обстоятельно уточнил майор Агапов.

– И вы не допускаете мысли, что Макс мог быть двойным агентом? – генерал строго посмотрел на полковника Смолякова.

Полковник промолчал. Агапов ответил.

– В Тегеране мы уничтожили одну из самых опытных команд диверсантов Абвера, благодаря информации Макса...

– Знаю! – раздраженно оборвал майора Елисеев и выхватил трубку из пепельницы. Но Агапов продолжал речь, не обращая никакого внимания на генерала, явно начинавшего терять контроль над собой.

– ... И только благодаря информации Макса мы едва не захватили Майера, крупнейшего специалиста по покушениям гитлеровского рейха. Помешал случай...

Генерал Елисеев покачал головой, задумался.

– Случай... Хорошо, допустим Максуду удалось выжить... – генерал ткнул черенком трубки в шифровку. – Но что могут значить все эти буквы и цифры? Что скажете, Антон Иванович?

– Пока ничего определенного, товарищ генерал. Но если Максуду удалось выйти на связь – дело серьезное... Разрешите хорошенько подумать?

– Думай, майор, думай.

Агапов наклонился к папке.

Генерал постучал о пепельницу погасшей трубкой, стиснул мощную челюсть и покосился на полковника. Сказал веско, как о решенном.

– Полагаю, Абвер снова затеял игру. И смысл ее, конечная цель нам пока неясны.

Полковник выпрямился и побледнел.

Прошелестела в тишине бумага – Агапов перевернул стра-

ницу. Взглянул на полковника, озаряясь внезапной догадкой. Спросил генерала.

– Товарищ генерал... вы... в шахматы... играете?

– Что? – дернул квадратным подбородком генерал Елисе-ев. Смоляков укоризненно глянул на Агапова.

– В шахматы, товарищ генерал, – твердо уточнил Агапов. – Доска с фигурами в вашем кабинете найдется?

Елисеев кивнул замершему у дверей адъютанту на стеной шкаф в углу кабинета.

– Шилов, посмотри там... внизу...

Лейтенант Шилов немедленно вытащил из одного из ящиков шкафа шахматную доску, торжественно смахнул с нее пыль, шагнул на середину кабинета и превратился в изваяние. Генерал кивком приказал вручить доску Агапову, что адъютант и сделал.

Агапов горстями высыпал фигуры на стол, сверяясь с шифровкой, стал расставлять по черно-белым клеткам пешки, слонов, королей... Пояснял.

– Б, очевидно, белые. С – слон. Слон А3. Л – ладья. Ладья Д7. Ферзь...

Расставив нужные фигуры, Агапов взмахнул рукой.

– Пожалуйста, шахматный этюд...

– Или фрагмент незавершенной партии, – подхватил полковник.

Генерал Елисеев, полковник Смоляков и майор Агапов молча переглянулись.

– Макс предлагает партию в шахматы? Так, Агапов? – вздохнул генерал.

– Не исключено... Нужен специалист...

Елисеев окликнул адъютанта.

– Слышал, Шилов? Доставить шахматиста. Срочно.

– Слушаюсь, товарищ генерал.

Лейтенант Шилов прищелкнул каблуками, с удовольствием провернулся через плечо и стремительно исчез.

Шилов вернулся ровно через час – красный, как рак. Но не один.

Он суетливо протолкнул в генеральский кабинет пожилого еврея – в длинном пальто, из-под которого торчали ботинки без шнурков и грязные завязки от кальсон... Человека, видно, подняли прямо с постели, толком не дав даже надеть брюк. Еврей прижимал к груди собранный заранее баул.

Привычно вытянувшись перед Елисеевым, Шилов доложил, задыхаясь...

– Товарищ генерал... Вот... Гроссмейстер...

– Шилов, вы что... не объяснили товарищу, зачем его сюда везете? – удивился генерал.

– Не успел, товарищ генерал.

Генерал степенно поднялся из-за стола, гостеприимно махнул рукой шахматисту, указав на три полупустых чайных стакана, приютившихся на его необъятном столе возле шахматной доски.

– Вы проходите, товарищ гроссмейстер, не стесняйтесь...

Пожалуйста. Чаю хотите?

Шахматист нервно дернул лохматой головой, будто от удара хлыстом. Поспешно кивнул, залопотал, спотыкаясь на каждом слогe.

– Благодарю за-а-а хлопоты.....

– Шилов, чаю – гроссмейстеру. И с коньяком! – приказал Елисеев.

Шилов немедленно принял приказ к действию, удалился.

Генерал подошел к гроссмейстеру, все еще никак не решавшемуся сделать хотя бы шаг по сияющему паркету генеральского обиталища, взял его за рукав ветхого пальто и лично проводил к столу. Указал на доску с фигурами.

– Я так понимаю, что в шахматах вы специалист...

Шахматист всполошился, будто ему предъявили обвинение в каком-то сверхъестественном злодействе. Затряс нечесаными патлами.

– Господи, да какой я специалист... не Алехин, не Ботвинник. Они специалисты, а я... кто... мелочь...

– Не волнуйтесь вы так, гражданин... – попытался успокоить шахматиста Агапов. – Нам просто нужна ваша консультация...

Шахматист замер, внимательно, пару секунд смотрел в спокойные, темные, бездонно глубокие зрачки Агапова. И вдруг опустился на ловко подставленный ему полковником Смоляковым стул. Прижал к груди баул. Вдохнул с облегчением, будто с него сняли непосильно тяжелый заплеч-

ный мешок.

Агапов поинтересовался.

– Посмотрите, товарищ шахматист, позиция вам знакома? Я сам шахматист, неплохо знаю творчество Алехина и Капа-
бланки... Люблю этюды, но...

Заслышав про этюды, гроссмейстер потер заскорузлый
щетинный подбородок, и стал

поспешно рыться в своем бауле, выложил на генеральский
стол пару теплого белья, носки собачьей шерсти, шахматные
часы, бутылку с молоком. Наконец, он извлек из баула очки
в роговой оправе, одна дужка которых была небрежно при-
кручена медной проволочкой. Нацепив очки на нос, шахма-
тист присмотрелся к расположению фигур на черно-белых
клетках.

Шилов принес стакан горячего чая в серебряном подста-
каннике, придвинул к локтю шахматиста.

Шахматист жадно и шумно хлебал чай – зубы стучали
о край стакана, но от созерцания партии не отрывался. Генера-
л, полковник и майор терпеливо ждали.

Наконец шахматист посмотрел на Агапова – его взгляд го-
рел победным ликованием.

– Говорите, пожалуйста, – попросил Агапов.

– Редкая позиция. В этюдниках почти не встречается. По-
зиция Шмуйля Гиршкевича...

– Простите, кого?

– Точнее сказать, загадка Шмуйля, – гроссмейстер протя-

нул стакан Шилову, – Спасибо большое. Волшебный чай.

Немытая щепоть гроссмейстера стремительно перенесла черного слона.

– Но в общем и целом... все просто – черные начинают с хода слонем на Е7, и дают белым мат в четыре хода. По-моему, это гениально! А?!

– И все? – спросил генерал

– Все! – торжествующе вскрикнул шахматист.

Генерал озадаченно посмотрел на Агапова.

– Ну, и какой в этом смысл? – спросил Агапова полковник Смоляков.

Агапов не ответил, но обратился к гроссмейстеру.

– А вот... что за человек был этот Шмуйль... как вы ска-
зали? Фамилия?

– Гиршкевич.

– Спасибо. Что вы можете про него вспомнить, кроме его
великолепного этюда...

– До войны Шмуйль жил в Вильно... Я играл с ним...
по переписке... А сейчас, извините, не знаю... Говорят, по-
гиб в местном гетто...

– Кто говорит? – насторожился полковник Смоляков.

– Люди, – равнодушно пожал плечами гроссмейстер.

Агапов взял с доски белого короля.

– Черные начинают и выигрывают... в четыре хода...

Повернулся к полковнику Смолякову.

– А что у нас нынче в Вильно?..

– Освободили. Ставка Демидова там и...

Агапов улыбнулся.

– Теперь ясно. Это предупреждение.

– О чем? – спросил генерал.

– О том, что на командарма Демидова готовится покушение.

Агапов положил белого короля на доску.

Полковник Смоляков развел руками.

– Ну, знаете, Агапов... это уже слишком... Такие серьезные выводы... на пустом месте.

Агапов лукаво прищурился.

– У вас есть лучшая версия, полковник?

– Это не мое дело... Простите... – заговорил гротескный актер, без особого успеха запикивая обратно в чемодан все те вещи, которые он недавно так старательно выкладывал на генеральский стол. – Но... Знаете... Шахматы очень похожи на войну... Да-да... Пешки – солдаты... Короли – полководцы... Шахматы действительно могут рассказать многое...

– Язык символов? – подсказал Агапов.

– Именно! Вот эта позиция... Я бы назвал ее покушением на белого короля.

– Объясните толком, – приказал генерал Елисеев.

Шахматист, волнуясь, передвигал фигуры на доске.

– Позиция белых очень сильна... На первый взгляд, черные проиграли. Но вот ход черных... Потом еще... И еще... Король белых в ловушке... Смотрите! Остальные белые фи-

гуры в целости... все на доске... Но, они не могут помочь своему королю... бессильны... Целая армия...

– Пешки – солдаты, короли – полководцы. Майерщина какая-то... Ерунда... ладно, пора отправлять товарища гроссмейстера домой, – скривился полковник Смоляков. Но у Агапова нашлась к гроссмейстеру еще парочка вопросов.

– Послушайте, а почему вы сказали «загадка» Шмуйля... Именно «загадка». Не этюд...

– Считается, что у задачи Шмуйля есть решение... – горько усмехнулся гроссмейстер. – Теоретически, сделав правильный ход... белые имеют шанс свести партию вничью... и даже добиться победы. Правда, многие шахматисты, в том числе и ваш покорный слуга, долго искали, но так его и не нашли...

Генерал оборвал гроссмейстера, сказал:

– Довольно, устроили тут шахматный клуб... Вы свободны, товарищ гроссмейстер... Спасибо, вы нам очень помогли... Шилов, проводи специалиста.

Шахматист поспешно подхватил баул, попытался что-то сказать напоследок – не успел. Его поспешно вывел из кабинета неумолимый Шилов. Лейтенант быстро вернулся, замер у дверей, ожидая новых приказаний генерала.

Генерал Елисеев подошел к огромной, во всю стену, карте театра военных действий, закрытую черной шторой.

– Войска армии генерала Демидова рвутся к границам

Пруссии, – Елисеев отодвинул штору, – Немцы остановить его продвижения не могут.

Елисеев посмотрел на Агапова и добавил с особенным нажимом.

– Удачное покушение на Демидова может дать врагу шанс на перегруппировку сил.

Агапов встал, вытянулся, одернув гимнастерку – он понял, что вот-вот получит новое задание. И угадал. Генерал решительно приказал тоном, не допускающим какого-либо обсуждения.

– Собирайся, Агапов, поедешь в штаб фронта к Демидову. Разберешься на месте в этом деле...

Генерал Елисеев внимательно посмотрел на Агапова, оценивал. Помедлил. И наконец кивнул на стоявшего у дверей Шилова.

– Вот... Лейтенанта Шилова в помощь даю... Парень способный... Исполнительный...

Шилов, польщенный высокой оценкой генерала, мастерски щелкнул каблуками.

– К заданию приступить немедленно, – сказал генерал и протянул руку майору Агапову. Тот с чувством пожал ее.

– Успеха, товарищи. Надеюсь, вам удастся разгадать загадку этого... Шмуйля...

Полковник Смоляков поднял трубку телефона, выслушал кого-то на другом конце провода и сообщил Агапову.

– Ваш вылет через час. Самолет подготовлен.

Агапов и Шилов покинули генеральский кабинет.

Генерал задумался. Он долго всматривался в карту, на которой у голубого пятна Балтики сплетались в узел пучки красных, синих стрел, линий...

Глава пятая

Вильно. 1944 год, август

Город лежал перед ним в низине – такой далекий и такой близкий. С гребня холма, на который он вышел перед рассветом, хорошо были видны островерхие башни костела, шпиль ратуши, паутина кривых средневековых улочек возле рыночной площади, строгие прямоугольники кварталов предместья. В прозрачной дымке раннего, по-осеннему ядреного, утра открывшаяся перед ним панорама казалась фрагментом старинной гравюры, которую он рассматривал перед тем, как выехать на аэродром. В библиотеке особняка на Гассенштрассе, листая толстый фолиант Вайсенфельдского манускрипта, он решил, что все будет вот именно так, когда он вернется в этот город: обязательно выйдет к гряде холмов возле Южного предместья, придет туда перед рассветом, чтобы спокойно постоять у столетнего ясеня. И тогда он увидит, как вспыхнет над далекими шпилями розовая полоска зари, а потом – взойдет солнце. Он мечтал об этом рассвете все эти мучительно долгие годы. И наконец увидел его. Он жадно дышал пряным ароматом омытого росой осеннего леса, и был не в силах надышаться всласть.

Смахнув с гранитного валуна желтые листья, он присел на камень, снял и расправил на коленях шинель. Критически

осмотрел – шинель показалась слишком новой. Он вывернул из-под камня ком влажного перегноя и протер им полы, рукава шинели. Прислушался.

Вдалеке ревел автомобильный мотор. По шоссе к городу шла машина.

«Движок никудышный», – подумал он.

Быстро надев шинель, он стянул ее в поясе брезентовым солдатским ремнем, и направился к шоссе, ловко выбирая путь между кривыми осинами, двигаясь бесшумно, плавно, свободным гимнастическим шагом спортсмена-многоборца.

– Все, приехали! Стоп-машина, вашу мать! – сказал, как отрезал, Звягинцев. Он остервенело хлопнул крышкой капота. И выругался от души, не стесняясь.

Инин вздрогнул, посмотрел на своего водителя. Двадцатипятилетний москвич Коля Звягинцев, штатный водитель редакции главпуровской газеты «Красная звезда», стоял перед ним, растопырив руки, измазанные солидолом. Промасленный ватник, сбита набок пилотка, алюминиевая ложка за голенищем сапога. «Хорош! Чистое пугало. С таким бойцом никакие фашистские диверсанты не страшны», – подумал Инин и улыбнулся.

– Смешно? Да? – обиженно протянул Звягинцев, – А ведь я еще в Орше говорил... Карбюратор заменить надо. Говорил?

– Ну, говорил, – смущенно подтвердил Инин.

– А вы что? Поехали, поехали, скорее... Что? На войну не успели бы? Да? Никакого понятия... Это ж карбюратор! А не какие-то там подшипники, товарищ Инин!

– Ну, виноват, не горячитесь, Коля. Обойдется!

– Да что обойдется? Я ж на этой машине из-под Могилева в сорок первом... а вы... Как мне теперь... без карбюратора? Никакого понятия! А еще военкор...

Звягинцев швырнул пилотку на капот и вплотную подскокил к Инину, гневно заглядывая ему в лицо. Инин не выдержал и снял круглые, в простой оправе, но с очень толстыми стеклами, очки.

– Интеллигенция, – прошипел с ненавистью Звягинцев.

– Извините, пожалуйста, Коля. Очевидно, я был неправ тогда... в Орше... – только и смог выдавить Инин.

– Что уж теперь... извиняться... – сказал Звягинцев более миролюбиво, заметно остывая. – Только как нам теперь до города дотащиться? Вот вопрос...

– На любой вопрос ответ найдется!

Инин и Звягинцев обернулись. На другой стороне придорожной канавы стоял, закинув солдатский сидор за плечо, незнакомый пехотный капитан. В руке он держал трость – резную, черного дерева, отделанную серебром, неуместно элегантную для прогулки по шоссе, где еще недавно гремели бои.

– Что за шум, а драки нет? – капитан перепрыгнул через канаву и оказался в двух шагах от Инина.

– Да, собственно говоря, шума и не было. Мы с товарищем немного поспорили, – невнятно пробормотал Инин. Он всегда остро и болезненно чувствовал свою неправоту, потому и расстроился из-за этих пустяковых, бессмысленных пререканий с водителем. Звягинцева он любил, как сына. Знал Инин, что надежнее Коли спутника во время его многочисленных рискованных поездок по фронтовым дорогам ему не сыскать. Были случаи, когда под бомбежками и арт-обстрелами выживать им обоим удавалось только благодаря опыту и шоферской предусмотрительности Звягинцева.

Инин распечатал заветную, тщательно сберегаемую им с Москвы до встречи с генералом Демидовым пачку папирос «Герцеговины Флор», но не закурил – мял пальцами папироску, не решился курить под гневным взглядом Звягинцева.

– Эх, что с вами спорить! – презрительно процедил Звягинцев. Волна яростной злости на бестолкового военкора вновь накатывала на него. Шофер обратился к капитану.

– Вот, товарищ капитан, полюбуйте на товарища военкора. Без карбюратора ехать хочет! А? Каково?

– Это не езда... без карбюратора. Показывай, что стряслось, – сказал капитан, шагая к машине. Звягинцев сбивчиво повествовал капитану всю историю его путешествий на редакционной «эмке», начиная чуть ли не с Халхин-Гола. Капитан понятиливо кивал, но шофера не слушал.

– Подержи, – сказал он и протянул свою трость Звягинце-

ву. Шофер послушно взял трость, а капитан, подняв капот, перебрал пучок проводов, попросил ключ на двенадцать. Звягинцев расторопно подал ключ. Капитан сноровисто что-то подкрутил в моторном отсеке.

– Заводи, – коротко приказал Звягинцеву.

Звягинцев бросился в кабину...

Через мгновение мотор машины методично набирал обороты.

– Работает! Спасибо, товарищ капитан! Товарищ военкор, можем ехать! – радостно закричал Звягинцев, сразу позабыв в этот момент обо всей своей злости.

Инин распахнул дверцу «эмки», спросил капитана.

– А вы... в город?

– Пожалуй, – согласился капитан.

– Тогда садитесь, подвезем.

Капитан замер, в упор глядя на Инина. Переложил трость из одной руки в другую. Военкор оглянулся, словно рядом с ним в салоне «эмки» был кто-то еще, кого увидел капитан. Никого не было. Переспросил.

– Или... нам не по пути?

Капитан не ответил, внимательно разглядывал Инина.

Инин подумал, что, наверное, вот и этот капитан, бывалый фронтовик, презирает его за интеллигентскую слабость. Нет, надо было бы в Орше заменить Майер карбюратор.

– Закурим? – протянул Инин капитану пачку столичных папирос.

– Не откажусь, благодарю, – капитан взял пачку, выбрал папироску. Инин щелкнул зажигалкой, дал прикурить. Капитан протянул пачку военкору.

– Нет, нет, оставьте себе, пожалуйста, – поспешно запротестовал Инин.

– Спасибо, – капитан спрятал папиросы за борт шинели.

– Вам спасибо, выручили.

Молча покурили.

Напоследок затянувшись душистым дымком, Инин взялся за дверцу.

– Пора. Ну, как хотите. Еще раз спасибо за помощь... Звягинцев, поехали...

– Хорошо. Я с вами, – неожиданно сказал капитан и оказался в салоне «эмки» рядом с Ининым.

Машина рванулась с места.

Трясаясь на ухабах, Инин выдержал недолгую паузу и протянул руку капитану.

– Военкор Инин. Будем знакомы.

– Жень, – вдруг неожиданно открыто и просто улыбнулся капитан, пожимая широкую, пухлую ладонь военкора. Инин улыбнулся капитану в ответ и подумал – сколько хороших, душевных людей встретилось ему на фронтах за эти четыре года войны. И этот вот капитан из таких – сразу видно: из тех, кого Толстой еще описал. Настоящий русский солдат, рядовой труженик войны, на которых все наши успехи на фронтах держатся. Инину захотелось сказать капитану

что-то очень теплое и дружеское, но он никак не мог догадаться – какое слово подобрать, о чем спросить. И военкор решил пока не изводить своего попутчика тьмой вопросов. Лучше о себе сказать.

– Вот в командировку... снова... к Демидову, – будто невзначай заметил он.

– И я к нему, – сказал капитан Женья.

Инин понятливо кивнул, продолжал.

– Сколько знаю Демидова, столько и удивляюсь. Какая у него интуиция! Какой дар предвидения! Нанести врагу удар там, где он и не ожидает. Вот этот город, куда мы едем... Ни одного дома, говорят, наши при штурме не разрушили. Мог Демидов применить тяжелую артиллерию, авиацию... Но нет! Знал командарм Демидов – старинный город, имеет громадное культурное значение для человечества. И маневром выбил фашистов вон. Да, это в его стиле, Демидова. Маневром он гитлеровцев бьет, по-богатырски. И армия у Демидова – чудо-богатыри. Настоящие сталинцы! Вот и вы, верно, Женья, тоже... демидовец? Давно с генералом служите?

– Порядочно.

– С сорок второго? Со Сталинграда?

– Раньше.

– Да что вы? Очень интересно! Так вы, может, его еще в начале войны знали. Какой он тогда был, Демидов? Решительный, боевой?

– Даже слишком...

– Отличный материал! Вы не представляете, Женя, как мне с вами повезло. Я же очерк о вашей армии пишу. По заданию Главпура. Вы мне расскажите... о вашем боевом пути... о себе... о Демидове...

Инин схватил свою полевую сумку, торопливо выдрал из нее объемистый блокнот, фотоаппарат-«лейку».

– Звягинцев, останови на минуту, – коротко приказал военкор водителю.

Машина остановилась.

– Позвольте мне вас сфотографировать.

– Зачем? – спокойно спросил капитан. Он пристально, в упор смотрел на Инина тем же цепким, внимательным взглядом, какой так озадачил и даже немного обидел военкора чуть ранее.

– Для очерка, – смутился, сам не зная почему, Инин.

– Извините, это совершенно лишнее, – улыбнулся капитан и, подхватив свою трость, вышел из машины.

Инин опешил. Повертел в руках «лейку». Бросился вон из машины.

– Подождите, Женя! Товарищ капитан! Только один вопрос! – закричал Инин.

Капитан остановился, обернулся.

Инин подбежал, отдуваясь, к нему.

– Скажите хоть... пожалуйста... вы в каких войсках... под началом Демидова... и вообще... где служили?

– В пехоте.

– А потом?

– В разведке, – коротко бросил капитан Женя и пошел прочь.

Инин постоял у обочины – смотрел вслед новому знакомцу, как тот размеренно уходил к видневшемуся у въезда в город полосатому шлагбауму КПП. Вернувшись к «эмке», сказал Звягинцеву:

– Странный какой-то этот капитан, вроде не в себе...

– Контуженный, – уверенно сказал Звягинцев, врубая первую передачу, – Из госпиталя в часть добирается.

– Ты с чего взял?

– А вы, товарищ военкор, его трость видели?

– Да.

– Не иначе в госпитале выдали... Красивая вещь, заграничная, – мечтательно заметил Звягинцев, старательно объезжая глубокую воронку на шоссе.

Глава шестая

Вильно. 1944 год, август

Он шел по Кальварийской улице, обходя на тротуарах загромодившие их телеги, с которых валились на мостовую ошметки сена, миновал колонну армейских грузовиков с рваными тентами, полевые кухни, возле которых усатые повара щипали лучины. Шел и наблюдал за тем, как отражались в высоких окнах домов, вздымавшихся по обе стороны улицы отвесными стенами, красноватые отблески – в витражных стеклах плавился закат.

Он помнил эти дома. И радовался, что они и остались такими прежними, целехонькими, несмотря на страшную войну, которая смела уже многое с этой земли. Он дорожил ими все эти годы, бережно хранил в своих воспоминаниях эти фасады, причудливо декорированные по прихоти первых хозяев, облицованные холодным серым гранитом или теплым палевым песчаником. Возле парадного с ажурной решеткой, над которой несли бессрочную вахту два стража – полуголые, мускулистые каменные великаны с венками на курчавых головах, он когда-то покупал у пожилой дамы с сонной левреткой первые фиалки, одуряюще пахнувшие дешевым одеколоном.

А у дома, над карнизом которого была выписана фрес-

ка – на ней шествовала в вечность вереница господ в многоцветных средневековых одеждах, с пажами, шутами, гончими псами, оруженосцами и любовницами – он впервые увидел Джан.

Что она здесь делала? Кажется, навещала подругу. Или нет. Здесь жила Зинаида Захаровна. Как он мог это забыть? Зинаида Захаровна Бурцева, вечная оптимистка и питерская консерваторка, из бывших. Волей судьбы после всех передряг своей бурной жизни очутилась она в этом городе одна, как перст, без семьи. Она честно отработывала свой паек в Доме офицеров и для приварка давала приватные уроки пения женам и дочерям красных командиров. Она же тянула лямку концертмейстера в оперном театре. От театра до дома с фреской было недалеко – рукой подать. Пройти шагов полтора – да за угол повернуть.

Пройдя эти полтора шагов, он остановился на углу. Оглянулся, чтобы посмотреть с этой точки на прямую, как стрела, перспективу главной улицы города. И услышал голос за спиной.

– Ваши документы, капитан.

Перед ним стояли трое – впереди молодцеватый, опоясанный портупеей лейтенант с тонкой шеей, с квадратными усиками на гладко выбритом лице, за ним – двое автоматчиков.

– Пожалуйста.

Лейтенант раскрыл командирскую книжку, придирчиво осмотрел ее, словно был экспертом фабрики Госзнака, и да-

же понюхал лохматые по краям коленкоровые корочки.

– Значит, это у нас кто? Капитан... Конин Евгений...

– Викторович...

– Правильно, – почти с сожалением протянул лейтенант, – в порядке у вас документы. А пропуск через зону оцепления имеется?

– Так точно.

– Предъявить.

Получив желтую четвертушку с печатями и штампами, лейтенант проделал с ней прежние манипуляции.

– Товарищ Шилов, – подбежал к лейтенанту коренастый усатый ефрейтор-белорус, с медалью «За отвагу» на застиранной гимнастерке.

– Чего тебе, Сидорчук?

– Ничего. Вас там товарищ майор ищет...

Лейтенант передал документы Кониного сержанту, уходя, коротко бросил:

– Заканчивай устанавливать личность капитана и начинай посты проверять.

– Слушаюсь, – кивнул сержант.

После беглого просмотра Сидорчук вернул бумаги капитану, вежливо козырнул.

– Так что, проходите, товарищ капитан, не задерживайте...

Конин взял документы и пошел к главному подъезду оперного театра, у которого толпились нарядно одетые горо-

жане и горожанки, советские офицеры в парадной форме, с орденами и медалями.

Автоматчики, выстроенные в колонну по одному, быстро оцепили тротуар по обе стороны проезда к театру. Рослые, статные ребята, все как на подбор. Шилов с удовольствием посмотрел на строй бойцов роты охраны и восхищенно цокнул.

– Какой народ у нас! На подбор! Правда, Антон Иванович! С такими мы любому Абверу башку свернем...

– Что-то ты сегодня слишком... боевитый, Володя. Не к добру, гляди, – усмехнулся Агапов. И строго добавил,

– Что с внешним оцеплением?

– Полный порядок, Антон Иванович.

– На галереях посты выставил?

– А как же? В усиленном режиме.

К Агапову и Шиллову подбежал сержант Сидорчук.

– Командующий на подъезде!

Конин вошел в театр. И тут же услышал ропот за стеклянной входной дверью. Рев мощных моторов. Он увидел, как за стеклом парадного входа, сумерки разорвал ослепительный свет. Горели фары автомобилей.

К театру подъезжал кортеж командующего Демидова – три машины: первым – джип с автоматчиками, потом черный «мерседес» командарма, за ним – виллис.

Хлопнула дверцы. Сотрудники охраны заняли положенные им места.

Из второй машины выскочил долговязый и тонкий, но гибкий, как лоза, полковник. Переломившись пополам, он рванул на себя дверцу, и тут же выпрямился.

Из «мерседеса» появился мужчина в отлично скроенном кителе, на широких погонах которого горели генеральские звезды.

– Демидов, сам Демидов...

– Где? Который?

– Да вон, в машине... – услышал Конин ропот публики. Толпа на обширном крыльце оперного театра заволновалась и хлынула со ступеней на площадь, но быстро отпрянула назад – автоматчики оцепления никого не подпустили к генеральскому кортежу.

Демидов не спешил войти в театр. Он оправил китель, повернулся и протянул руку кому-то, кто должен был появиться вслед за ним из салона машины.

Кому протягивал руку Демидов – Конин не увидел. Генерала заслонили чьи-то спины, обтянутые шевиотом и габардином.

Демидов подал руку девушке с задумчивыми, миндальными глазами. Короткие каштановые волосы, тонкие губы, готовые вспыхнуть печальной улыбкой... Скромное шерстяное платье, плотно облегающее ее хрупкую фигурку...

На плечах небрежно накинута серебристая шаль.

Девушка оперлась на руку Демидова, пошла рядом с ним, поднимаясь по ступеням к парадному входу в театр. За генералом двинулась свита – офицеры охраны, чины штаба.

Тучный полковник выдвинулся при приближении генерала из толпы горожан и военных, махнул кому-то рукой. Рядом с ним тут же оказались девочки-двойняшки – умильно-одинаковые, с пшеничными косами, в одинаковых платьях в мелкий горошек. Девочки упорно старались не уронить блюдо с громадным караваем. Степенный старик-литовец, седой, простоволосый, но при галстукe, в белой рубашке и праздничном костюме при золотых часах с цепочкой торжественно держал на красной бархатной подушке связку ключей, потемневших, похожих на те, которыми в колхозах запирались амбарные замки на зернотоках, но еще больших размеров.

Старик поклонился Демидову. Сказав небольшую речь по-литовски, которую никто не перевел, он поклонился еще раз и протянул подушку с ключами генералу. Демидов поклонился в ответ, принял ключи.

– Прими, Сабатеев, – сказал генерал, передавая ключи долговязому полковнику. – В музей определить, для истории.

Тучный полковник, оттеснив толпу, кивнул девочкам с караваем. Девчушки, пыхтя, подтащили к генералу каравай, одна из них споткнулась, и каравай едва не покати-

ся по ступеням. Демидов вовремя подхватил каравай вместе с блюдом, ласково улыбнулся девочкам и приказал.

– Сабатеев, шоколад – детям.

Расторопный Сабатеев тут же вручил девочкам по плитке трофейного шоколада – откуда появился у него в руках этот шоколад никто понять так и не смог.

Подкинув на руках увесистый каравай, Демидов погасил ласковую улыбку и твердо посмотрел на тучного полковника.

– Тяжеловат хлебушек. Сколько ж кило, комендант?

– Шесть восемьсот. Старались, аккурат к вашему приезду в городской пекарне изготовили, – с гордостью заявил тучный комендант.

– Старались, говоришь, – мрачней, протянул Демидов. В голосе его зазвенел металл.

– Так точно, – смутился комендант.

Демидов передал хлеб Сабатееву, на коменданта смотрел по-прежнему строго...

– Больницы и сиротские приюты пайками обеспечены?

– Так для армии продовольствия не хватает! Тылы отстали, товарищ командующий.

– Два часа тебе, Зайченко... исправить положение... – отрывисто бросил Демидов и шагнул прямо на коменданта. Тучный полковник отскочил в сторону, вскинул ладонь к козырьку.

– Так точно, товарищ командующий!

– До конца концерта доложить!

Комендант вытер платком лоб, поспешно направился к своей машине...

Демидов в окружении штабных прошел в театр...

Глава седьмая

Вильно. 1944 год, август

В переполненном зале театра публика, в основном военная, волновалась, с нетерпением ожидая начала концерта. То и дело гремели аплодисменты...

В оркестровую яму спустился дирижер. Левой рукой он прижимая к потертому фраку пухлую папку с партитурой, маэстро прошел к пюпитру, потоптался и раскрыл пухлую папку, перебрал стопку нотных листов.

Дирижерская палочка взмыла вверх и застыла...

Дирижер округлил глаза, скользнув взглядом по лицам музыкантов.

В плотной стене черных фраков духовой группы зияла брешь – третий справа стул никто не занял.

Дирижер осторожно положил палочку на пюпитр, нахотился и стал похож на грифа, только что приземлившегося в раскаленной пустыне. Стараясь не картавить и говорить как можно спокойнее, дирижер поинтересовался.

– И где же наш уважаемый тромбон!?

Сверху, у края оркестровой ямы свесился жесткоскулый офицер – на его погонах тускло поблескивали эмблемы и звездочки военврача второго ранга.

– Демидов здесь! – прокричал военврач.

Оркестранты заволновались. В углу закашлялся чахоточный старик, придавленный контрабасом. Военврач посмотрел на контрабасиста и отошел от края оркестровой ямы.

— Ну, вот! А как прикажете мне исполнять концерт без тромбона! — простонал дирижер, будто военврач только вонзил ему в спину рапиру, — Кто-нибудь его видел, я спрашиваю?

Женственный юноша-альтист, тараканьи усики в ниточку, привстал со своего места, неуверенно ткнул смычком в сторону чахоточного старика с контрабасом, пропел фальцетом.

— Контрабас с ним ехал...

— И... что? — затаив дыхание, с надеждой спросил дирижер старика под контрабасом.

Старик вытер подбородок клетчатым платком, икнул и пробормотал — язык у него заплетался на морской узел.

— Так... он это... Я в буфете посмотрю...

Если бы старик с контрабасом был сделан из смолистой сухой сосны, он непременно вспыхнул бы ярким пламенем — взгляд дирижера прожигал насквозь.

— Набирают в оркестр неизвестно кого! — заломил руки над головой маэстро.

Старик пошатнулся, держась за стенку, пополз вон из оркестровой ямы.

Дирижер постучал палочкой по пюпитру, требуя внимания и тишины в оркестре.

Но из третьего ряда, где располагались арфа и флейта, раз-

далось совершенно неприличное, залиivistое хихиканье. Дирижер заметил за спиной дородной дамы с треугольником стройного офицера с капитанскими погонами – Евгения Кони́на. Он нашептывал что-то отчаянно веселое молоденькой девушке с флейтой и ее коллеге с арфой.

– Девочки! Почему у нас... посторонние?! – просипел маэстро.

Неопределенных лет пышногрудая арфистка и юное создание с флейтой – с неудовольствием оборвали беседу с капитаном Кониным. Капитан, пристально посмотрев в сторону, поднял обе руки и приложил их к сердцу, принося таким жестом свои извинения дирижеру за грубое вторжение в мир музыки.

Старик-контрабасист, спотыкаясь, выбрался из оркестровой ямы, и у самого выхода, словно почувствовав спиной взгляд Кони́на, обернулся.

Но капитан, только что стоявший рядом с «девочками», исчез.

– Шнапс не водка – много не выпьешь... Но скоро все исправим, будьте уверены, товарищ полковник. В нашем Военторге уж так заведено. Как тылы подтянут – сразу все довольствие нормализуем, – буфетчик за словом в карман не лез. Полнолицый, румяный, он хлопотал у стойки, переставлял стаканы, и болтал, болтал...

– А что ж вы не пьете? Ничего, я пробовал, шнапс при-

личный, вроде нашей самогонки, – кивнул буфетчик на рюмку, зажатую в сухих полковничьих пальцах.

– Трепач ты, Казимир, – Сабатеев устал слушать говорливого буфетчика. Да и шнапс полковник на дух не переносил. Но служба службой. Вздумалось генералу Демидов у буфет посетить – дело Сабатеева обеспечить безопасность. Майся Сабатеев у стойки, грей в ладонях рюмку с трижды проклятым фашистским шнапсом. Да посматривай. Собачья доля. Сабатеев скрипнул зубами, в который раз медленно огляделся по сторонам – вроде бы ничего подозрительного.

За столиками соседнего с буфетной зала было немногочисленно. Сабатеев наблюдал за тем, как проплывали мимо лично им проверенные официантки, штабные офицеры угощали местных женщин вином и шоколадом.

Сабатеев покосился на угол, в котором за столиком расположился Демидов вместе со своей спутницей. Буфетчик Казимир принес вазу с пирожными, а белокурая официантка – серебряный поднос с кофейником и чашками. Демидов торопливо разливал по чашкам дымящийся кофе, улыбался, рассказывал, очевидно, что-то веселое.

– Обнаглена, стерва... ишь, как хвостом, генералом крутит, – вздохнул Сабатеев, поморщился и вылил рюмку шнапса в горшок, в котором красовался куст бегонии, выставленный буфетчиком на стойку для интерьера.

Конин стоял у колоннады, у самого входа в буфет, опи-

раясь на трость. Возможно, если бы трости, этой прочной, тяжелой, отделанной серебром палки, не оказалось под рукой, он рухнул бы на воощеный паркет. Сердце непривычно часто, чугунно загрохотало в груди, он почувствовал внезапный приступ дурноты, когда...

...в десяти шагах от себя увидел ее – Джан. Да это была она, очень похудевшая, тонкая, но ставшая еще прекраснее той прежней Джан, которую он провожал через парк летом сорок первого к дому ее отца, профессора-германиста.

Глубоко вздохнув, он выждал, когда ослабели гулкие удары в груди и висках. Затем достал пачку папирос, и, по-прежнему не спуская глаз с Джан, размял розоватый мундштук.

– Герцеговина Флор! Московские?! – уважительно сказал уже знакомый Конину лейтенант, так придиричиво проверявший его документы на театральной площади.

– А я вижу, вы тут больше к немецкому привыкли, – капитан Конин кивнул на ближайший стол. На нем пестрели этикетками, расписанными готическими буквами, пузатые бутылки.

– Курить в районе буфета запрещено, – заявил лейтенант. Конин невозмутимо перетер зубами папироску, щелкнул зажигалкой, прикурил, спрятал пачку папирос в карман и прищурился – прямо на него семенила статная блондинка в крахмальной наколке. Держа поднос на отлете, эффектно покачивала тугими бедрами.

– У нас, правда, не курят, товарищ капитан, – кротко

улыбнулась Конину официантка

Конин смял пальцами папиросу, усмехнулся официантке в ответ...

– Строго тут у вас...

Девушка остановилась, окинув Конина с головы до ног многозначительным взглядом.

– Как сказать... А я свободна... сегодня... после концерта...

– Намек понял, – кивнул Конин, старательно не замечив, как вспыхнул недоброй завистью правый глаз дотошного лейтенанта.

– Вы на работе, товарищ официант, – сухо процедил лейтенант. – Следуйте далее...

– Иду, иду, товарищ Шилов, – пропела блондинка, и, уходя, обернулась к Конину:

– У нас вино есть грузинское... Захотите поухаживать – прихвачу бутылочку...

– Шагай, шагай, шалава, – не выдержал Шилов.

– Хам, – хмыкнула лейтенанту официантка и удалилась, лавируя между столиками.

– Отцы нам дали. Напареули и цинандали, – нравоучительно сказал прямо в лицо опешившему Шилову Конин.

– Вы... – Шилов хотел тут же поставить капитана на место, но банкетный зал внезапно наполнили грохот каблучков, подбитых гвоздями, отодвигаемых стульев, гортанная заморская речь. Веселые, ловкие брюнеты ворвалась в поме-

щение. Вместо гимнастеров они все, как один, были одеты в ладно скроенные заграничные френчи, украшенные крестами, медалями, среди которых иногда попадались и советские боевые награды.

– Французы. Этих еще не хватало, – с глубокой сокрушительной горечью выдал из себя Шилов, улыбаясь гостям. Он повернулся к Конину, но капитана рядом с собой не нашел.

– Погоди, вальдшнеп, узнаем какие у тебя перья, – прищелкнул лейтенант и огляделся. Капитана точно нигде поблизости не было. Пропал.

– Здравствуйте, товарищ Инин, здравствуйте... А мне уже звонили из Главпура, сообщили о вашем приезде. Сколько же это не видались? – генерал Демидов долго тряс руку Инина. Обычно сдержанный и скупой на эмоции, генерал на этот раз не собирался скрывать радости. Военкор даже расчувствовался.

– Полгода, – сверкнул толстыми линзами очков Инин.

– Хорошо, что к нам собрались... Тут такие дела творим! Нам есть о чем рассказать, а вам написать... Для истории! – генерал Демидов тряс руку военкора

– Да я в дороге подсобрал малость материала, но ваше мнение о ходе операции вашей армии, товарищ командующий, для меня будет особенно ценным.

– Где побывали? В каких частях?

– Вот у летчиков в эскадрилье «Нормандия-Неман». Встретил там старого знакомого. Еще по Парижу.

Инин указал на стоявшего рядом с ним летчика – на его парадном мундире красовался орден Боевого Красного знамени, через левое плечо была перекинута португеза, а к ней прицеплена сверкающая алжирская сабля с темляком, свитым из золоченых нитей.

– А, товарищ барон, – улыбнулся французу Демидов, слегка пожурив его, – снова личное оружие не по уставу... Мы же договаривались...

Француз нахмурился.

– Если вы о сабле, мой генерал, то... Это фамильное оружие баронов де Луазонов. И, сражаясь с бошами, я, как представитель древнего гасконского рода...

– Не обижайтесь, Бертран. Но устав есть устав. Вон у комэска Шаповаленко отец тоже у Буденного служил, так он же на вылеты без шашки летает. А в пятой эскадрилье? Так там каждый второй из кубанцев. Этим что, тоже с саблями на асов Геринга бросаться? Запорожская Сечь получится...

– Кажется, фамильная сабля нашему барону в бою не помеха, Серж, – сказала певучим голосом девушка с грустными глазами, прикоснувшись к руке генерала и этим умиротворяющим жестом как бы призывая командарма сменить тему разговора, не мелочиться.

– Да, я не о том, Джан... – сразу стушевался Демидов, – Конечно, товарищ Луазон – лучший ас эскадрильи «Норман-

дия Неман»...

– Бертран сбил два мессера... Сегодня, под Ковно, – с гордостью ввернул Инин, – Я уже дал информацию в «Красную звезду»...

– Поздравляю вас, Бертран. О чистого сердца. – сказала Джан и протянула французу руку.

Бертран де Луазон, церемонно благоговей, с чувством поцеловал руку Джан.

Демидов неодобрительно покосился на барона, но промолчал, только кашлянул сердито. И тут же подчеркнуто официально сказал, по-строевому, словно на полковом плацу перед строем.

– Поздравляю, капитан Луазон. Рад также сообщить, ваш вклад в нашу общую победу достойно оценен Советским правительством и лично Верховным главнокомандующим товарищем Сталиным. Вам присвоено звание Героя Советского Союза. Орден Ленина и звезду Героя вручу вам лично. Послезавтра. В ратуше.

– Для меня это большая честь, господин генерал, – сказал барон, не отрывая глаз от улыбнувшейся ему Джан.

Демидов поджал губы. Правая щека генерала мелко дрогнула.

Инин вновь сверкнул очками, оглянулся и сказал намеренно громко.

– А я слышал, что сегодня здесь будет сам Яхонтов. Верно, товарищ генерал?

– Сталинский бас? Не может быть! – удивился француз.

– Я его пригласил, по просьбе Джан, – сдержанно сказал Демидов.

– О! У Джан чудесный голос, – затараторил барон, окинув взглядом ее неброское, но со вкусом подобранное платье и шаль. – И вкус... исключительный...

Джан улыбнулась.

– Перестаньте, Бертран... Вы меня смущаете...

Но де Луазон не унимался, не в силах совладать с темпераментом

– О, я уверен, такая прелестная девушка достойна выступления в парижской Олимпии... Я так и представляю... Громкие афиши... Имя в сиянии огней... Кстати, у вас очень странное для России имя... Джан...

– В общем-то, папа назвал меня Жанной... А Джан... Поэт один придумал... для рифмы... Приклеилось...

Инин качнул головой.

– Неплохой поэт, судя по всему...

– Очень хороший, – грустно улыбнулась Джан.

– Имя вам удивительно подходит... – воскликнул барон де Луазон. И тут же вскинул обе руки, как дирижер, начинающий концерт, – Я хотел бы выпить за вас, прелестная Джан!

Демидов хотел что-то сказать быстро и резко, но барон предупредил его замечание.

– Вы позволите, мой генерал?

И генерал только вздохнул.

– Отчего же нет? Выпьем за победу, за Джан, за всех нас, товарищи...

Луазон прищелкнул пальцами, подав знак буфетчику, а тот уже держал наготове бокалы с искристым вином...

Барон поднял бокал...

Зазвенел хрусталь. Генерал, Инин, Джан – все дружно выпили и улыбнулись друг другу.

Луазон скривился после первого же глотка.

– Как вы можете пить эту кислятину! – и закричал буфетчику, – Казимир, тащи шампанское! Я знаю, подлец, у тебя есть. Под прилавком.

Буфетчик укоризненно покачал головой, но через секунду... Выстрелила в потолок пробка, в сверкающих бокалах вспенилось игристое.

– Трофейное... Вдова Клико... Для особого случая берег, товарищ барон, – кричал Казимир барону.

– Мерси, мой друг! Сегодня такой случай!

Бертран протягивал бокалы Демидову, Джан, Инину. Девушка всплеснула тонкими руками.

– Ах, Бертран, какой же вы смешной...

– Я смешной... Но почему?

Инин басил, оттесняя плотным телом француза подальше от заметно мрачневшего Демидова. И одновременно старался вежливо не повернуться к командующему профилем.

– Смешной, смешной. Джан, скажу вам по секрету – барон таскает на рынок свои голландские рубашки. Скоро дело

дойдет и до панталон.

– Лучше я останусь без панталон, чем мы в такой день – без шампанского!

И вновь задорный, искренний смех...

Джан смахнула кулачком влагу с глаз, лукаво улыбаясь, и неожиданно...

...вздрогнула.словно электрический разряд пронизал ее. Она повернула голову, и в простенке, на галерее увидела – Кониная...

Бокал с шампанским упал из ее рук...

Демидов обнял Джан за плечи, заглянул в бледное лицо

– Джан, что с тобой?

– Нет... ничего... голова... закружилась... душно... про-сти...

Джан выпрямилась, поправила на плечах шаль, отстранилась от Демидова.

Она обернулась и посмотрела вновь туда, где только что увидела Кониная. Но там мирно беседовал с седовласым литовцем, вручавшим генералу ключи от города, смуглый горбоносый майор.

Глава восьмая

Вильно. 1944 год, август

Конин шел по галерее – двери на балкон были широко раскрыты, из зала доносился мерный, как рокот моря, шум голосов.

– Далеко собрался, капитан?

У входа на балкон щурился, заложив руки за спину, уже знакомый Конину бдительный лейтенант Шилов.

– В чем дело?

Шилов раскрыл кулак. На его ладони, как по волшебству, появилась красная книжечка.

– Лейтенант Шилов, Владимир Петрович, контрразведка, – прочел вслух Конин.

– Майор Агапов.

Конин повернул голову – смуглый майор прожигал взглядом спину.

– Позвольте с вами побеседовать, товарищ капитан. Пройдемте.

Шилов и Агапов, словно под конвоем, повели Конины с галереи.

Нет, это была не борода, а просто кусок какой-то пакли. Вот в Большом – там бороды так бороды. Чесанные, глад-

кие, шелковистые. Мазнешь клеем по подбородку, положишь на него такую замечательную бороду – и хоть в костромской лес поляков за нос водить, не то что на сцену. Ивана Сусанина в такой бороде легко представлять. Чувствуешь душу народную всю ширь да мощь, да удаль русского характера. А с этой бороденкой – дрянь. Никакого подкрепления для творчества. Талантом только и спасайся.

Оперный бас Яхонтов отшвырнул бутафорскую бороду. Дунул под нос, засопел. С усами – тоже никакого порядка. Один отклеился. Яхонтов увидел в зеркале испуганное лицо пожилой гримерши.

– Сейчас поправим, пан Яхонтов, – с сильным польским акцентом пропищала гримерша, но бас величественно отстранил ее могучей рукой, пророкотал, скорбя.

– Изыди. В таком виде бессмертного князя Игоря представляю!

И придвинул к себе литровый графинчик.

– Нет! – завопил за спиной баса плешивый администратор, – Юрий Дормидонтович, умоляю, скорее, публика горит!

– А у меня душа пылает! Фарисеи! – торжественно пропел Яхонтов и опрокинул в бездонное горло рюмашку.

– Убиваете вы меня, Юрий Дормидонтович, поедом едите, – застонал администратор, а Яхонтов, сделав страшное лицо, оскалился в зеркало. Дьявольски захохотал.

Хохот маститого певца, больше похожий на рык атласско-

го льва, услышал лейтенант Шилов. Отворив дверь в гримерку, он нерешительно уставился на хохочущего певца, посмотрел на Агапова. Яхонтов заметил вошедших и, приняв их за своих поклонников, не обернулся, но самодовольно спросил, напрашиваясь на комплимент.

– Недурно, а... мороз по коже... Шикарную ноту взял... Вам нравится, товарищи?

Шилов политично кашлянул в кулак, сказал строго.

– Извините, товарищ Яхонтов, нам тут с товарищем поговорить бы надо...

Администратор одарил Шилова благодарным преданным взглядом, хлопотал.

– Юрий Дормидонтович. Пора. Пора на сцену...

Яхонтов величественно поднялся. Царственным жестом подбросил гримерше убогую бороду. Обвел комнату дланью.

– Располагайтесь, доблестные сыны Отчизны. Все ваше.

Шилов пропустил в гримерку Кониного и Агапова. Чекисты и капитан подождали, пока деятели культуры покинут помещение. Но едва дверь за ними закрылась – сразу посмотрели друг на друга.

Молчали.

Конин ждал. Разглядывал контрразведчиков.

Чекисты смотрели на Кониного. Суровели лица, тянулось безмолвие. Напряжение росло.

Наконец Агапов протянул к Конину руку и сухо приказал.

– Документы, капитан?

Конин вскинул ладонь к нагрудному карману...

...медленно расстегнул пуговицу...

...подал документы Агапову...

Майор дотошно изучал документы Конина, читал.

– Полковая разведка?

– Так точно...

Шилов подошел к зеркалу, примерил бороду, хмыкнул.

Агапов выдержал профессиональную паузу.

– В городе что забыл? Почему не на фронте?

– Врачи не пускают. Говорят, опасно для здоровья. Согласно предписания, товарищ майор, зачислен в штат местного военного училища – инструктором. (кивнул на пачку документов в руках у Агапова) Там все указано.

Агапов передал документы Шилову...

Шилов отложил бороду, быстро вытащил из пачки документов бумажку.

– У него тут... выписка из госпитальной истории имеется. Товарищ Агапов...

– Тяжелое ранение? – Агапов заметил на гимнастерке Конина две нашивки.

– Так точно.

– В госпитале, в Шатске, лечили? – не спросил, а скорее уточнил Агапов.

Шилов блаженно улыбнулся Агапову.

– А, знаю... У меня там друг лежал. (Конину) Как говоришь, лечащего врача звали? Антон Степанович?

– Нет. Клавдия Михайловна. И госпиталь – в Новодворске, – отрезал Конин.

Лейтенант мгновенно посерьезнел.

Агапов вскинул на Кониных темные глаза.

– Ну, а тут, в Оперном, что делаешь?

– Давно в театре не был, товарищ майор. Воевал. А я оперу с детства люблю... Мама у меня в Большом пела. Между прочим, однажды Яхонтов чуть не сделал ей предложение.

– Что же помешало их счастью? – осведомился Шилов.

– А вы у Яхонтова и спросите.

Агапов отчеканил.

– Надо будет – спросим. (задумчиво) Так ты, москвич, стало быть?

– Да.

– Вот откуда у него папиросы «Герцеговина»... Я сразу его приметил. Столичных за версту чую.

В коридоре пронзительно зазвенело.

– Третий звонок, – значительно подсказал Агапову Шилов. – Концерт уже начинается...

И засунул в планшетку пачку документов Кониных.

– Я что, арестован?

– Нет. Но до конца концерта тут посидишь, – направился к выходу Агапов.

– На всякий случай. – добавил Шилов.

– Ищите кого? Вижу! Сам три года в разведке, – в спину майору крикнул Конин.

Агапов остановился и веско заметил.

– Не твоего ума дело. Ты в разведке, мы в контрразведке.

Конин пожал плечами. Чекисты вышли, плотно притворив за собой двери.

В коридоре Шилов указал на дверь гримерки сержанту Сидорчуку.

– Под твою ответственность, Сидорчук. Глаз с этого капитана не спускать. Случится что – трибунал.

И, уже шагая по полуосвещенному коридору в оперный зал, обратился майору Агапову.

– Что скажете, товарищ майор? Интересная штучка?

– Посмотрим, Володя. Какой-то он... непростой... этот капитан. И, кажется, с сюрпризом. Но не диверсант.

– Это почему же? – огорчился Шилов.

– Дерзок слишком.

Конин присел на край стола и повертел в руках бутафорскую бороду, огляделся. Комната – крошечная, не больше пяти квадратных метров. Он посмотрел на белые высокие стены, потолок. Окон нет – узкая вентиляционная отдушина под потолком не в счет. Как в мешке. Каменном.

Конин прислушался. Что-то зашуршало тяжелое, грузное под самой дверью. А дверь тихонько скрипнула и отошла.

Скользнув к стене, Конин смог увидеть, что там, а темной полоской пространства, ставшего видным в приоткры-

тую дверь. Он увидел рослого здоровяка, с погонами сержанта на плечах. Здоровяк сидел на полу, откинув в сторону автомат и, казалось, дремал.

Миг – и Конин оказался в коридоре. Он пробежал по галерее, повернул за угол, и оказался в фойе. Остановился. Прямо перед ним драила стол светловолосая официантка.

Она подняла красивую голову и вопросительно посмотрела на Кони́на.

– Буфет закрыт. До конца концерта, – сказала она.

– А девушка? Та, что здесь была? С генералом... Где она?

– А я к ней не приставлена... Идите в зал, все уже давно там, – напомнила Кони́ну блондинка. Конин, круто повернувшись на каблуках, зашагал к зрительному залу.

– Концерт по случаю освобождения города от немецко-фашистских захватчиков разрешите считать открытым, – генерал Демидов поднял руку, приглашая поднять занавес.

– Да здравствует героическая Советская Армия! Товарищу Демидову – полководцу-освободителю – ура! – прокричал кто-то восторженно из зала. И зал дружно подхватил.

– Ура! Ура! Ура!

А потом грянул шквал аплодисментов. Люди аплодировали стоя – горячо, шумно, азартно. Так, словно они стосковались по вот такому вечеру, когда можно будет вложить в этот гром приветствий, летевших на сцену, где стоял, окруженный своими сподвижниками, знаменитый командарм, всю

силу души, всю радость освобождения. Победы, добытой безумно дорогой ценой.

Демидов поклонился тем, кто был в зале – офицерам-фронтовикам, подпольщикам, активистам-рабочим, всем, кто себя не жалел в борьбе с врагом. Но аплодисменты не стихали.

Демидов смущенно обернулся к офицерам, окружавшим его плотной стеной. Аплодисменты только усилились.

– Спасибо, спасибо, товарищи, – крикнул Демидов, – Будем считать ваши горячие приветствия не благодарностью лично мне. Но всем нашим героическим войскам – пехотинцам, танкистам, артиллеристам, летчикам! Спасибо. дорогие товарищи! А теперь... все-таки концерт!

Демидов бегом спустился со сцены. За ним последовали и его офицеры.

Фонари на трех ярусах, опоясывавших громадный зал оперного театра, светили уже не так ярко. Раздвинулся занавес. На сцене бравый морячок развернул во всю ширь гармонь. Кубарем пронеслись в зажигательном танце парни в бескозырках из ансамбля песни и пляски Советской Армии. Гремела медь оркестра. Матросское «яблочко» сменял украинский гопак.

В бельэтаже генерал Демидов нетерпеливо барабанил пальцами по бархату парапета. У генеральского кресла Эйфелевой башней возвышался долговязый Сабатеев.

Барон де Луазон тщательно протер носовым платком линзы полевого бинокля, направил его на сцену. Мощная цейсовская оптика тут же показала Бертрону во всей красе, как головокружительно, выше своего гренадерского роста умеют прыгать солисты советского армейского ансамбля. Де Луазон тяжело вздохнул, наклонился к плечу командарма.

– Мой генерал, хочу сказать – у вас прелестная спутница. Очаровательная, обворожительная...

– Не вздумайте за ней приударить, Бертран. Я вас, французов, знаю, – погрозил пальцем летчику Демидов.

Инин прошептал.

– Бертрону, нравятся все русские девушки, товарищ Демидов.

Барон смутился.

– Оставьте, Инин... При чем тут... Я просто... заинтригован... Когда же мы услышим чудесное пение Джан?

– Когда? – взглянул на Сабатеева генерал.

Полковник развернул блокнотик, сверился.

– После половецких плясок, товарищ командующий. Ария Доницетти... Вот в программе указано. Выступление дуэта. Джан Бергер и солист Большого театра СССР, народный артист-орденоносец Яхонтов. Я уточнял в политуправлении. Данные точные.

Демидов поджал сухие губы.

– Затянутая программа. Слишком затянутая.

– Прикажете сократить?

– Отставить. Но чтоб в следующий раз мне...

– Уяснил, товарищ командующий. Больше не повторится, – вытянулся над генеральским креслом Сабатеев и черкнул карандашом в блокнотике.

Генерал сидел, скучал, барабанил пальцами по парапету. Поглядывал, на публику в зале, и хмуро – на сцену: там все еще плясали неугомонные половцы.

– Сабатеев! – окликнул Демидов своего начальника охраны.

– Я!

– А зачем столько охраны в зале? Тебе что, людей больше занять нечем?

– Виноват, товарищ командарм. Но я тут при чем? Это все этот, московский майор, армянин, распоряжается. Как у себя дома. Понаедут, и давай порядки наводить. Будто без них и дела никто не делает. Им бы, товарищ командующий, только звездочки на погоны цеплять. А пороху толком и не нюхают. Это майор сказал, что, мол, по его мнению, следует принять чрезвычайные меры безопасности...

– Для чего?

– Для вашей охраны.

Демидов удивленно посмотрел на Сабатеева.

– А ты у меня на что?

– Вот и я о том же.

Демидов усмехнулся.

– Звездочки, говоришь... Ты, Сабатеев, передай этому

майору... из Москвы... От моего имени. Пусть впредь свое мнение держит при себе.

– Передам, товарищ командующий... Лично я безопасность вам гарантирую, у меня все под контролем.

Половцы схлестнулись кривыми саблями в последний раз. Исчезли за кулисами. Ведущий приблизился к краю рампы. Выдержал томительно долгую паузу. И наконец бодро выкрикнул в зал.

– Народный артист Советского Союза Юрий Дормидонтович Яхонтов. Ария из оперы «Князь Игорь»!

Голос ведущего потонул в буре аплодисментов.

Демидов привстал с места, гневно глянул на Сабатеева.

– Сабатеев! Это что еще?

– Ария! Ваша любимая!

– Где Джан, Сабатеев? Я спрашиваю!

– Не могу знать. Должна была петь в дуэте... Вот, в программе...

– Что ты мне эту программу тычешь...

– Прикажете найти Джан?

– Немедленно.

Сабатеев поспешно покинул генеральскую ложу.

Глава девятая

Вильно. 1944 год, август

Капитан Конин стоял у стены, недалеко от ярко освещенной сцены, рассматривая публику в зале. В оркестровой яме заметил пустующий стул. К нему сиротливо привалился контрабас – хозяина инструмента все еще не было на месте.

А между тем старик-контрабасист, покинувший с заметным удовольствием свой громоздкий инструмент, пробирался по переходам, которые образовывали за главной сценой оперного театра целый лабиринт. Он шел напрямик к служебному входу. И уже добрался до него, когда услышал голоса. Тонкий мальчишеский тенорок никак не соглашался пропустить кого-то в театр

Остановившись в начале крутой лесенки, которая сбегала в вестибюль служебного подъезда, старик увидел, что тенорок принадлежал младшему лейтенанту. По его приказу трое автоматчиков держали на прицеле трех офицеров. Судя по форме – музыкантов из ансамбля песни и пляски. У одного из них была папка с нотами, у другого – длинный футляр с каким-то духовым инструментом. Третий, с узким волчьим лицом и черными горящими глазами, рябоватый и очень загорелый, вероятно, был среди них самым старшим. Держал-

ся он так, словно привык отдавать команды – гордо и независимо.

Этому гордецу младший лейтенант криком и пытался растолковать, по слогам: никаких опоздавших к началу концерта он в помещение театра не пустит. Все равно ему – пусть явились они хоть с тромбоном, хоть с бадминтоном, хоть с всем Союзом композиторов и консерваторией в придачу. Приказ есть приказ.

Рябой только молчал, спокойно слушал младшего лейтенанта и не двигался.

Когда лейтенант исчерпал весь свой запас слов и терпения, и уже готов был приказать своим автоматчикам арестовать троих музыкантов за недисциплинированность, старик вытер красные влажные губы ладонью и засеменял с лестницы.

– Да кто вы такие, чтобы не подчиняться?! – кипятился лейтенант.

– Мои это, мои ребятки! – закричал с лестницы контрабасист. – Из нашего оркестра.

И сразу набросился на музыкантов.

– Ну, куда вы запропастились. Товарищ дирижер уже с ног сбил. Из Главпура звонили. Какая же игра без тромбона? Концерт уже начался. Давайте за мной! Быстрее!

Старик бойко растолкал опешивших автоматчиков, подскочил к рябому и потащил его с собой через вестибюль.

– Стоять! – заорал младший лейтенант.

Старик замер, согнувшись. Повернулся к лейтенанту вполоборота.

– Пропуска!

– Что?

– Имеются? Пропуска?

Ослабившись и обнажив при этом черную дыру вместо передних резцов, старик хлопнул себя пятерней полбу.

– Ну, конечно, конечно! У меня, у меня они! Все здесь!

И засунул руку за пазуху. Музыканты переглянулись. Рябой и бровью не повел, когда в ловких узловатых пальцах старика блеснула контрабасная струна.

Одним движением старик захлестнул струной шею юного лейтенанта, дернул на себя – лейтенант засучил ногами, забился в предсмертной судороге.

Ножи, внезапно оказавшиеся в руках музыкантов, дружно ударили автоматчиков. Через секунду с охраной вестибюля было покончено.

– На галерею, быстро. Седьмая ложка, – деловито скомандовал старик рябому.

Музыканты направились к лестнице.

Старик остался. Он разглядывал три трупа, сматывал струну. Вдруг усмехнулся – из-под массивного двухтумбового стола торчала женская ступня в простом крестьянском, подшитом кожей валенке – подрагивала, мелко.

Старик заглянул за стол – маленькая женщина, просто-волосая, с размазанной помадой на синих губах, тарщила

на него полные слез и ужаса глаза. На ее спецовке был нашит черный прямоугольник с надписью белым – «Вахтер».

Старик вздохнул и стал быстро разматывать струну.

Сабатеев шел, покуривая, по коридору, который вел к буфетному залу. Ни он, ни его люди нигде не могли отыскать Джан. Не было ее и здесь, возле буфета. У поворота длинного и полутемного коридора он услышал шаги. Понял: шли военные – по паркету стучали подкованные каблуки армейских сапог.

Он пошел на стук. И чуть не столкнулся лицом к лицу с худым, рябоватым офицером-музыкантом. Сабатеев забыл о папиресе.

– Ребята, вы девушку в темном платье, с шалью красивой такой... серебристой... не видели? Стрижка короткая...

Офицеры холодно глядели Сабатееву прямо в глаза. Молчали. Словно не понимали вопроса.

– Ну, глаза овальные, карие...

– Нет, – ответил рябой музыкант, украдкой посмотрел на футляр с тромбоном.

Сабатеев перехватил его быстрый взгляд.

На руке музыканта с футляром вздулись прожилки. Значит, весит инструмент немало – автоматически решил Сабатеев, не отдавая себе отчета, зачем ему эта информация.

– Разрешите следовать дальше, товарищ капитан? У нас мало времени, – сказал медленно, будто с трудом подбирая

слова, рябой.

– Музыканты? – спросил Сабатеев, не понимая, что, возможно, задает глупый вопрос. Ему почему-то не хотелось отпускать этих офицеров с тромбоном.

Рябой бесстрастно кивнул.

– Так точно. Музыканты. Нам приказали срочно доставить тромбон.

– Понятно, – рассеянно процедил Сабатеев, соображая, стоит ли ему приказать музыкантам немедленно предъявить документы. Что-то беспокоило его в них, но что именно – неясно...

Ему некогда было заниматься этими троими – командующий приказал найти Джан. Сабатеев должен был поскорее выполнить приказ командарма.

– Она на втором ярусе, в седьмую ложу прошла... – крикнула Сабатееву светловолосая официантка, мелькнув в коридоре с подносом, полным грязной посуды.

– Еще есть вопросы? – спросил рябой.

– Нет.

Сабатеев шагнул в сторону, освобождая музыкантам путь.

Офицеры прошли мимо Сабатеева, мрачно смотря перед собой, скрылись в полумраке.

Сабатеев проводил их взглядом, отправился на галерею.

Яхонтов превосходил самого себя. Он ревел, как океанский шторм, сокрушающий прибрежные скалы. Под купо-

лом театрального зала от могучего яхонтовского рыка раскочивалась и позванивала тысячами блистающих стразов стопудовая люстра, некогда изготовленная в Париже по заказу дирекции Российских императорских театров.

– О, дайте, дайте мне свободу! Я свой позор сумею испить... Я Русь от недруга спасу! – гремел Яхонтов, обнажив мохнатую грудь и раскинув в стороны руки.

Конин скользнул взглядом по изумленным лицам слушателей, и вышел из зала.

Тромбонист и сопровождавшие его музыканты поднялись на галерею, из которой начинались входы в ложи второго яруса главного зала оперного театра.

Они не прошли и двух десятков шагов, как были остановлены нарядом автоматчиков. На требование предъявить документы – музыканты пустили в ход ножи.

Диверсантам не потребовалось много времени, чтобы уничтожить весь наряд.

На шум из ложи выскочил лейтенант Шилов.

– Что такое? Кто их? – Шилов не сразу догадался, что происходит. Он видел тела мертвых автоматчиков и склонившихся над ними людей в форме советских офицеров. Он не сообразил, что эти трое и есть убийцы.

Музыканты медленно и молча двинулись на лейтенанта. Блеснули ножи.

Шилов понял, что попал в переплет.

– Так вы гады, голубчики? – пробормотал Шилов и рванул из кобуры пистолет. Но один из нападавших сделал выпад и выбил у него из руки оружие. Второй ударил лейтенанта финкой в бок. Шилов упал, ударился головой о стену. Падая, сбил фонарь. Стало темно.

В полной темноте Шилов отполз за дверь. Затих.

Он слышал, как напавшие на него диверсанты искали его с полминуты, но не могли найти. А потом быстро побежали по коридору.

Шилов пощупал бок – саднило. Бок быстро стал набухать чем-то мокрым, хлюпким. Лейтенант попытался встать. Но в голове вспыхнул желтый блиц, и Шилов понял, что летит в бездонную яму, из глубины которой к нему, как ваго-нетки, одна за другой мчались грохочущие лохматые звезды.

Глава десятая

Вильно. 1944 год, август

Конин шел по галерее второго яруса. Было гулко и пустынно. Он осмотрелся, заглянул на лестницу пожарного выхода. Поста охранения там не обнаружил.

– Тоже мне, спецы. Нигде. Никого, – прошептал Конин.

Он решил повернуть назад, когда, подсветив фонариком пол, заметил, как луч выхватил из мрака пятно. В двух шагах от первого он обнаружил второе пятно. У самого входа в ложу – третье.

Конин откинул портьеру, вошел в ложу.

Свет карманного фонаря заскользил по телам мертвых автоматчиков.

Конин попытался нащупать пульс у каждого – никаких признаков жизни.

– Музыканты! – раздался откуда-то со стороны слабый голос.

Конин шагнул на голос, направив туда же свет фонаря.

У стены сидел, держась за бок лейтенант Шилов. Половина его щегольской гимнастерки была залита кровью, которая сочилась сквозь пальцы.

– Помоги встать! – прошептал лейтенант. – Уйдут, гады!

Конин сорвал обертку индивидуального пакета.

– Не уйдут. Догоним. А тебя, лейтенант, для начала тебя перевязать надо. Кровью изойдешь.

«Музыканты» подошли к двери, на которой была прибитая табличка с цифрой семь. Роли каждого из них были распределены заранее. Рябой прошел через всю ложу. Отодвинул портьеру и внимательно посмотрел на сцену, в зал. Кивнул своему сообщнику, замершему у входа с футляром для тромбона в руках.

«Тромбонист» подошел к столу, положил на него футляр. Щелкнули замки. В слабом свете блеснул вороненый ствол снайперской винтовки. Умелые руки зарядили оружие. Установили его на специальное приспособление вроде треноги.

– Все готово, Циклоп, – тихо сказал «тромбонист» рябому.

Тот сел за стол, приложился к винтовке.

Черные крест-накрест линии прицела медленно прощупывали одну за другой ложи бельэтажа. Наконец в прицеле появилась ложа командарма Демидова. За сеткой прицельной шкалы замелькали лица летчика с золотой саблей и орденом на груди, упитанного здоровяка в круглых очках... И наконец – волевой профиль седоватого человека, на плечах которого горели темным золотом генеральские погоны.

– Отлично. Пора уходить, – сказал Циклоп и встал от стола.

Диверсанты покинули ложу, оставив на треноге готовую

к выстрелу винтовку.

Навести полный порядок в городе за два часа, которые отвел генерал Демидов коменданту города, конечно, было невозможно. Но комендант хорошо знал по собственному опыту, если он не вывернется наизнанку за эти отведенные ему командармом сто двадцать минут, то выворачивать его шкуру будет очень скоро кто-то другой.

Прибыв в комендатуру, полковник Зайченко вызвал к себе начпрод. После стремительного подсчета внутренних резервов Зайченко и начпрод решили, что приказ командарма в принципе выполнить будет можно. Если приказать войсковым пекарням, работавшим в городе, два дня изготавливать продукцию исключительно для мирного населения.

Такой приказ и был немедленно разослан из городской комендатуры во все продовольственные учреждения, подчиненные коменданту.

Обрадованный таким скорым решением сложной задачи, Зайченко перекрестился. И помчался обратно в театр на доклад к Демидову, спеша уложиться в отведенный ему срок.

И теперь Зайченко с легким сердцем входил в генеральскую ложу в бельэтаже, рассчитывая если не на благодарность, то уж на подсознательное признание командармом его неоспоримых организаторских талантов.

Торжествующее круглое лицо полковника Зайченко по-

явилось в круге снайперского прицела, когда палец снайпера уже прикоснулся к спусковой скобе.

Яхонтов закончил арию на такой высокой патетической ноте, что казалось эта последняя нота и этот последний эффектный жест вырвут из него живое пламенеющее сердце.

Яхонтов поклонился слушателям. И получил заслуженную награду – восторг зала и гром аплодисментов.

Демидов вскочил, яростно аплодируя вместе со всеми.

Полковник Зайченко наклонился к его плечу...

– Ваш приказ выполнен, това...

Выстрел!

Зайченко оборвал себя на полуслове и, подогнув колени, стал валиться прямо на Демидова. Инин подхватив полковника, сначала подумал, что коменданту внезапно стало плохо с сердцем. У военкора тоже случались нелады с «мотором». Не отпуская тяжелое тело полковника, Инин нащупал в кармане круглую жестяную трубочку с пилюлями, как вдруг увидел, что его медицина ничем уже не поможет коменданту – в полковничьем затылке чернела маленькая круглая дырочка.

Конин заметил быстрые тени у коридора, который вел из галереи на пожарную лестницу. – Они, это они! – закричал лейтенант Шилов. Тотчас же устремиться за врагами ему помешала слабость. Шилов схватился за стенку.

Но по галерее уже спешил майор Агапов, командуя кому-то, кто бежал за ним следом.

– Оцепить здание! Никого не выпускать! Где Шилов?!

Конин оставил Шилова и бросился к пожарной лестнице.

О стены галереи щелкали пули, выбивая куски штукатурки и осыпая Кониная белой пылью. У самой лестницы шевельнулась серая фигура, метнулась за выступ стены.

Пуля срезала лепную алебастровую розу над головой Кониная.

Фигура упала. Конин переступил через труп, метнулся в сторону. Через спину Кониная перелетел второй диверсант. Финка зазвенела на мраморных плитах.

Конин не успел откинуть нож подальше от упавшего, как диверсант, внезапно вскочив, нанес ему мощный удар ногой в лицо. Падая к стене, Конин заметил: диверсант схватил нож. Мгновений, которые понадобились Конину для того, чтобы оказаться на ногах, не хватило на то, чтобы отразить новое нападение.

Диверсант сбил Кониная во второй раз, занес над поверженным капитаном финку. Конин перехватил его руку. Но удерживая ее, он чувствовал, что враг сильнее.

Выстрел! Диверсант дрогнул и ослаб. Упал на Кониная – над ним, шатаясь, возвышался лейтенант Шилов, держа пистолет в опущенной руке.

– Теперь им деваться некуда, – усмехнулся Шилов, кивнув на мертвого диверсанта. – Третий на очереди.

Но третьего Конин и Шилов так и не нашли. Они поднялись на второй, на третий этажи, опередив автоматчиков Агапова и чекистов полковника Сабатеева. Почесали все закоулки на верхних галереях – третий ушел.

– Все, давай вниз, время теряем, – сказал Конину Шилов, когда на лестнице последнего яруса галерей раздался женский крик.

– Туда! – закричал Конин.

Конин и Шилов бросились к лестнице, растаптывая цветы, брошенные на ее ступенях.

На одном из пролетов они увидели старика-контрабасиста: одной рукой тот удерживал Джан, другой – пистолет у виска девушки.

– Назад! Дорогу! Или я убью ее! – заорал старик.

– Отпусти девушку, подонок! – острый кадык дернулся на тонкой шее Шилова.

– Дайте мне уйти, или я убью ее.

Лейтенант с тревогой посмотрел на Конина.

Контрабасист перегнулся через перила – внизу гремели сапоги автоматчиков, зычно командовал Агапов.

– Без команды не стрелять. Брать живьем.

Старик прижал корявый палец к спусковой скобе, вскинул пистолет.

– Десять секунд на размышление. А потом... отпущу ее. Туда! К ангелам!

Старик закатил глаза, пытаясь указать ими на потолок, избитый пулями.

На лестницу ворвались Агапов и двое автоматчиков, а с ними барон де Луазон и военкор Инин.

Барон де Луазон решительно схватился за свою алжирскую саблю...

Конин жестом остановил его...

– Не торопись...

Конин положил на ступеньку свой пистолет, шагнул вперед, опираясь на трость.

Но старик округлил глаза, прошипел Конину:

– Ты же знаешь, мне терять нечего. Ее с собой заберу. Хочешь? Этого хочешь?

Старик прихватил зубами ворот, потянул на себя: затрещала ткань – в оскаленных зубах оказалась стеклянная ампула с ядом...

Мгновение – и ампула лопнет. Палец старика медленно давил на курок...

Джан погибнет?! Конин подмигнул контрабасисту.

– Постой, успеешь на тот свет! Давай подумаем, покурим...

Жест искусного карточного шулера – в руке Конина оказалась пачка папирос.

Старик ухмыльнулся, глянув на папиросы.

Конин, будто собираясь закурить, удерживал трость подмышкой, наклонился, повернулся... Раздался щелчок –

из трости рванулся легкий дымок – выстрел!

Пуля пробила лоб старика. Пистолет со звоном упал на пол...

Старик привалился снопом к стене – его оскаленные зубы стискивали ампулу...

Конин успел подхватить Джан.

– Женя, Женечка, – повторяла Джан.

Шилов склонился над стариком, прощупал жилу на его шее.

– Что он? – нетерпеливо спросил Агапов.

– Не жилец, – сказал Шилов, прикоснувшись к лицу убитого.

Шилов сорвал седые брови... усы, бороду – на лице мертвого контрабасиста проступили иные черты. Лейтенант присвистнул от удивления.

– Крицков! Он, товарищ Агапов!

Агапов сокрушенно покачал головой.

– Я же просил брать живым. Эх, Володя... Какая нерасторопность!

– Он бы все равно живым не дался – ампулу раскусил... и все... – сказал Конин.

На галерею вошли Демидов и его свита. Рядом с генералом вышагивал на длинных журавлиных ногах угрюмый полковник Сабатеев.

Демидов приблизился к Джан, схватил ее руку, словно не веря, что Джан цела, жива, здорова. Он только сейчас, кажется, понял, какая опасность грозила ей.

Демидов резко обернулся к Сабатееву.

– Куда смотрел, полковник? А ведь докладывал сколько раз, все уши прожужжал: все под контролем!

Сабатеев сглотнул тугой комок в горле.

– Кто ж знал, что так получится, товарищ командующий.

– Должны были знать, раз людей под пули подставили, – отрезал Демидов и тяжелым, мрачным взглядом обвел стоявших вокруг людей.

И неожиданно заметил Кони́на – не поверил своим глазам...

– Ротный?

– Я, товарищ генерал.

– А мне доложили, что ты погиб, – с трудом проговорил Демидов и недоуменно посмотрел на полковника Сабатеева.

– Позволь, капитан, – Шилов притронулся к трости, которую после выстрела так и не выпустил из рук Конин.

Тот отдал трость лейтенанту.

Шилов покрутил в руках экзотическое оружие.

– А ведь удобно. С виду вещь полезная, а стреляет... что твой браунинг!

Агапов согласился.

– Да, забавная игрушка.

– Немецкая, – уважительно добавил Шилов, и покосился на Кони́на.

Агапов спросил.

– Ну, а теперь, капитан, скажи, что ты тут делаешь?

– Говори, ротный, – приказал Демидов.

Конин бросил быстрый взгляд на Джан, повернулся к генералу, твердо глядя ему в глаза.

– Меня прислали вас убить, товарищ генерал.

На генеральских скулах вздулись желваки.

– Спасибо за откровенность.

Сабатеев кивнул офицерам охраны из свиты генерала, указав им на Кони́на. Те шагнули к капитану. Но людей Сабатеева остановил жест майора Агапова.

– Не торопитесь, полковник!

Агапов протянул Конину свою ладонь.

– Здравствуй, Макс! С воскрешением!

Глава одиннадцатая

Вильно. 1944 год, август

Ветер нес по мостовой клубы пыли вместе с обрывками немецких листовок, приказов, писем, прожженной ветошью, всей той дрянью, которую бросили после себя поспешно покинувшие город недавние захватчики.

Две черные «эмки», лавируя между мотков колючей проволоки и остовом сторевшего броневика с паучьим крестом, притормозили у дома с высоким готическим порталом, на котором сохранилась помпезная вывеска – «Отель «Палас».

Из первой машины автоматчики вывели Кони́на. Из второй выбрались майор Агапов и лейтенант Шилов. Все молча направились в отель.

В вестибюле Агапов вопросительно посмотрел на встретившего их подобострастного управляющего отелем. Тот заговорил, глотая слова.

– Все сделано. Номер наилучший. Четвертый этаж. Вид из окна изумительный. Господам офицерам понравится. Я провожу, сюда, пожалуйста.

– Не нужно. Дайте ключи, – сказал Агапов, и тут же получил связку ключей.

Распорядился.

– Шилов, установить охрану на этаже, никого не пускать, остальных постояльцев переселить. Здесь, в вестибюле, оставить круглосуточный пост.

– Слушаюсь, товарищ майор.

Из высокого, почти во всю стену, окна отеля город просматривался, как на ладони. Казалось, что отель – воздушный корабль, который плывет над бескрайним морем крыш, шпилей, деревьев.

– Красивый город, – вздохнул Агапов.

Конин молчал.

– Похоже, его даже не бомбили... – задумчиво проговорил Агапов.

– Верно, Демидов запретил применять авиацию и тяжелую артиллерию при штурме. Взял сходу. Мне рассказывали...

– Вот как.

Агапов оглядел громадную оконную раму с толстым витринным стеклом.

– Ни одно стекло не треснуло.

– Точно.

– Поразительный гуманизм.

Конин усмехнулся.

Агапов вздернул плечом.

– Разве я сказал что-то смешное?

– Нет.

Заложив руку за спину, Агапов прошелся по комнате.

– Хорошо, Макс. О высших категориях поговорим как-нибудь на досуге. А теперь...

– Вы хотите спросить – почему я пришел убить генерала?

– У вас был к нему личный счет.

– Откуда вы знаете?

– От Сабатеева. Это правда?

– Да.

– И вы не поделили с генералом...

– Любовь.

– Странно.

– Что именно?

– Что разведчик вашего класса способен на такие романтические поступки. В духе... похождения Жильбласа или...

– Страданий юного Вертера, – грустно улыбнулся вновь Конин.

– Перечитываете Гете?

– Нет, но с удовольствием перечитал бы. Гете был любимый поэт ее отца.

– Кого – ее?

– Девушки, которая была с генералом. Ее зовут Джан.

Конин помедлил и грустно повторил – вторя самому себе.

– Джан – синий кафтан... Старая, очень старая история.

– Расскажите, Макс.

Конин посмотрел на бескрайние крыши, опустил воспаленные веки, словно перед прыжком с крутизны.

– Это был наш город. Мой и Джан. Улицы, вымощенные диким камнем. Дом с фреской. Этот город был центром нашего мира. А еще в нем были шахматы, чай с дымком, пирог Василисы, споры о Фихте и Шамиссо. Профессор Бергер, ее отец, был заядлым спорщиком. Он читал в университете лекции по немецкой классической философии. Преподавать стал сразу после гражданской. А до того вершил революцию. Рядом с Лениным.

– Советская аристократия...

– Вроде того... Я как-то сказал Джан, что ни этот город, ни она сама никогда не станут советскими. Она обиделась... Спросила – почему?

– Действительно – почему?

– Потому что она была вне всего этого – наших маршей с красными знаменами и пением Интернационала, хвалой вождям. Она жила с верой в чудо. В простое человеческое чудо. И, поверьте, Агапов, была достойна его.

Вильно. 1941 год, апрель

В апреле сорок первого город еще не знал ни грязи, ни крови. Под полосатыми тентами кафе обходительные паны по старинке еще угощали паненок в роскошных летних платьях лимонадом и варшавским земляничным конфитюром. В открытом кабриолете проносился владелец табачной фабрики благообразный шатен Янукявичус, увозя с собой в свой пока еще ненационализированный загородный чертог плати-

новую красавицу пани Бельскую. Но над бывшей городской управой уже развевался красный флаг с серпом и молотом, и управа была переименована в городской Совет. Из рупоров, укрепленных на фасадах домов главной городской магистрали, неслись позывные советского радио и красноармейские марши.

В чахлом садике у дома №14 на Остробрамской на шаткой некрашеной скамейке переставляли по очереди шахматные фигуры по клетчатой доске двое – молодой и старый.

Старик был тем самым профессором философии, который совсем недавно вселился по ордеру в квартиру на втором этаже дома №14, принадлежавшую ранее бежавшему за границу рыбопромышленнику Дибичу. Не отрывая глаз от доски, профессор кряхтел и дергал короткий ус.

– Превосходно... очень тонко задумано... Задали вы мне жару своей задачкой, батенька...

Визави профессора – рыжеватый юноша с волосами, скрученными в мелкие кольца и стоящими дыбом, вежливо улыбнулся, пробормотал.

– Ян Виллимович...

– Какой же ход верный? Подскажите, не мучьте старика, Шмуйль! – укорял противника Бергер, делая замысловатые пасы над доской и не решаясь прикоснуться к фигурам. Шмуйль мялся, смущенно улыбался, но безмолвствовал, как сфинкс.

Мимо скамейки, на которой сидели шахматисты, прошла

Джан – на плече спортивная сумка. Майский теплый ветер трепал подол ее короткой спортивной юбочки.

– А ты, папа, и не проси Шмульку... Он тебе все равно своего секрета не скажет... – на ходу бросила Джан, ускоряя легкие шаги.

– Это почему же? – оторвался от доски профессор.

Джан остановилась, лукаво улыбнулась, глядя на Шмуйля. Тот опустил голову, чтобы только не встретиться с Джан взглядом.

– Да ведь Шмулька тебе задачку свою подsunул, чтобы у нас чаще бывать. Верно я говорю, Шмуйль?

Юноша-шахматист молча поднял на Джан печальные глаза.

Профессор покосился на Шмуйля, огорчился.

– Вот видишь, папа, молчание – знак согласия.

– Джаночка! Куда ты? – забеспокоился профессор, почувствовав, что он чем-то внезапно стал виноват перед Шмуйлем.

– В парк, папа! – сказала Джан, повернувшись и направляясь вон со двора.

– Зачем? – рассеяно пожал плечами Бергер, – Скоро обед, дочка! У нас сегодня гости!

– Не опоздаю!

Джан задорно улыбнулась отцу и послала ему на прощание воздушный поцелуй...

Бергер посмотрел на дочь поверх очков, перевел взгляд

на Шмулья – тот заметно покраснел, осерчал, жадно глядя вслед Джан...

– Ах, мой бедный Вертер! – вздохнул профессор и стал собирать фигуры с доски. – Пойдемте пока чай пить, друг мой. Что уж тут...

Но Шмуиль не слышал профессора. Он заворожено следил за тем, как Джан шагала по двору и, наконец, скрылась под аркой ворот, беззаботно помахивая теннисной ракеткой.

Теннисный мячик отлетел от ракетки – с хлестким звуком...

За сеткой метнулась белая фигура.

– ...потому что ты не похожа на них – на этих мегер в юбках... – кричал Конин

Удар, вскрик...

Джан уверенно приняла подачу, отбила мячик. Ее движения были сильны – гибкое, ловкое, молодое тело...

– Тогда на кого я похожа?

Удар, выдох.

– На мою Джан – на Джан синий тюльпан, на Джан красный тюрбан... Продолжать?

И вновь – удар, вскрик...

– Они мои подруги! И я запрещаю так о них говорить!

Удар.

Удар.

– Но они одеваются, как мужчины. Блузка, галстук, еще

и берет. В придачу пенсне нацепят... Гамельнского крысолова на них нет! Эй, где он! Где его волшебная дудочка!

– Ну, это уже слишком.

Удар... Удар... Удар... Джан в белой юбке до колен, в белой блузке рубила наотмашь жаркий майский воздух звенящей ракеткой. Мяч свистел над сеткой.

Конин с трудом возвращал мяч Джан, взметал багровую кирпичную пыль.

И вот... мяч, посланный им, врезался в сетку.

– Ура! – ликовала Джан. – Я выиграла, выиграла.

Она подбросила ракетку вверх, завертелась волчком, захлопала в ладоши

– С носом тебя оставила! Все! Я выиграла! Это тебе за моих бедных подруг.

Конин навис над дрожащей сеткой.

– Сыграем еще?

– Нет. Хватит. Папа просил непременно быть к обеду.

– Что за строгости?

– У нас будут гости.

Джан и Конин пошли вдоль сетки. Конин вздохнул.

– Опять какой-нибудь сумасшедший академик, поклонник Гегеля. Или фанатик фон Кляйста. И непременно – этот по уши влюбленный в тебя шахматист... Со вздыбленной шевелюрой?

– Шмультка? Правда, он смешной? И милый? У него всегда такие грустные глаза... как осенний вечер...

– Ах! Ах! Ах! Сколько лирики! Ваша страстная душа, мамзель, так и стремится в его хваткие объятия!

– С чего ты взял, что он в меня влюблен?

– Думаешь, зачем он ходит играть к твоему отцу в шахматы?

– Шмуйлка? Мы с ним с пеленок дружим.

– Но сейчас ты выросла. И он тоже.

Они вошли в раздевалки, чтобы переговариваться через ширму.

– Послушай, Конин, давай мириться! Пошлая ревность! Ты что, действительно вздумал ревновать меня к Шмуйлю?

Конин молчал.

– Женька! Ты где? Ау!

– Мороженого хочешь? – глухо отозвался Конин.

– Не уходи от ответа, – потребовала Джан.

– Конечно, я ревную тебя, даже к столетнему сумасшедшему академику! – вдруг взорвался Конин, – И даже ко всем его триадам, прогрессу духа и диалектикам...

– И тебе не стыдно? Ревновать? Меня? А еще красный командир... Ревность – мелкобуржуазный предрассудок.

– Английский теннис и оперное пение – тоже буржуазные предрассудки. Но ты же ни за какие коврижки не откажешься от уроков Зизи?

– Никогда!

– И потом... ты первая начала...

Они вышли из раздевалки – Джан в красивом летнем пла-

тые и...

...Конин в форме капитана Красной армии, в защитной фуражке с красным кантом, весь стянутый скрипящими новенькими ремнями портупей.

Джан положила руку на плечо Кони́на. Посмотрела в его глаза.

– Скажи, что любишь меня. Немедленно. А то всерьез обижусь.

Конин притянул Джан к себе, прошептал.

– Люблю.

– Не слышу.

– Люблю, люблю тебя...

Джан отклонилась, но слабо, не порываясь избавиться от объятия Кони́на. Лукаво усмехнулась.

– Господи, ну почему я не верю тебе? Может быть, потому что ты поэт. А поэты отчаянные лгуны.

Конин хотел поцеловать Джан в ее смеющиеся, счастливые глаза, но...

– Джан, Джан! – пронзительно вскрикнул звонкий, как медь пионерского горна, голос.

Конин оставил Джан.

К шведской стенке прижала лицо решительная девушка – пшеничные косы, белая блуза, черный галстук, алая интербригадовская пилотка с кисточкой, болтавшейся на длинном шнурке. На носу и щеках – россыпь роскошных веснушек, золотом сверкавших под лучами майского солнца. Конин по-

думал, что легких путей для этого юного создания не существует – плечи и волосы девчонки усыпали листочки и древесный мелкий сор. Очевидно, она долго продиралась напролом через кусты акации, чтобы выйти к корту напрямик, кратчайшим путем.

– Джан, вот ты где, Джан? Все тебя ищут, я с ног сбилась... – нетерпеливо затараторила веснушчатая. Заметила Кони́на, широко улыбнулась, охнула.

– Ой, здрасте, товарищ Конин!

– Салют, компаньеро Веснушкина, – Конин приветственно вскинул над фуражкой руку.

Девушка отмахнулась.

– Да, ну вас, товарищ командир!

«Веснушкина» ловко прошмыгнула сквозь дыру в шведской стенке, схватила руку Джан, смотрела на нее круглыми от восторженного страха глазами, глотала слова.

– Бежим, бежим! Скорее! Там такое... Валька из агитбригады с пирамиды упал, руку сломал.

Конин остановил девушек.

– Айн момент! Это с какой пирамиды? С египетской?

«Веснушкина» замерла, мгновение обдумала вопрос командира, и рассердилась.

– Вам все шуточки, товарищ Конин. Наша пирамида – советская. Валька ее наверху замыкал, с символом плодородия в руках...

Джан перевела на Кони́на потрясенный взгляд. Зашепта-

ла – строго, повелительно.

– Женька! Не смей! Ты слышишь? Не смей! Если ты сейчас скажешь хоть полслова...

Конин поднял обе руки, демонстрируя полную покорность судьбе. И Джан.

– О, слушаюсь и повинуюсь. Великолепная!

Затем хмыкнул и добавил очень серьезно.

– Нет... Но уточнить же можно, что это за символ... та-кой...

Задиристо вскинула косы «Веснушкина».

– Сноп с колосьями. Мы с девочками сами делали.

– С девочками... Символ плодородия... Странно...

Конин и Джан не выдержали аллегорий, дружно, от души захохотали.

Веснушчатая растерянно посмотрела на них. Открыла рот. Окаменела. Робко хихикнула. Потом еще. И еще. Схватила за бока, засмеялась чистым, звонким смехом – до слез, толком и не понимая истинную причину хохота старших товарищей.

Нахохотавшись всласть, «Веснушкина» размазала кулачками веселые слезы и попросила.

– Ребята, выручайте, у нас концерт проваливается, а там публика собралась... Джаночка-солнышко, ты же петь умеешь...

– Но я же только учусь, – заупрямилась Джан.

– Ну, уж нет! – подхватил под руку Джан Конин, – Вперед, в атаку! Сам погибай, а товарища выручай.

Джан слабо сопротивлялась.

– И не буду я петь! Что за дикая мысль!

«Веснушкина» жалобно застонала, схватившись за обе косы сразу.

– Будет-будет... – успокоил девушку Конин, – Еще как споет, не сомневайтесь, товарищ Веснушкина. Давайте-ка певицу прямиком на сцену!

– И никуда я не пойду, – топнула ногой Джан.

Конин подхватил Джан на руки...

– Тогда я тебя понесу. Навстречу славе.

И поцеловал Джан.

Девушка в веснушках стыдливо отвернулась.

Конин пронес Джан через весь парк под восхищенными, изумленными, одобрительными, завистливыми взорами гуляющей публики. Выйдя к летнему амфитеатру, направился к выкрашенной свежей известкой сцене, поставил на нее Джан.

Джан краснела и заламывала руки, но, шагнув по скрипевшим доскам, гордо выпрямилась и застыла, протянув тонкую изящную руку перед собой.

Сидевшая на скамейках первых рядов молодежь заволновалась, шумно захлопала. Больше всех старался красный, с облупленным от первого загара носом парень – Валентин.

Хлопать в ладоши он никак не мог – мешала правая рука, забинтованная, подвешенная на марле и плотно залитая гипсом.

Валька яростно орал, оборачиваясь, как заведенный, во все стороны, подмигивал, тряс вихрами.

– Давай, Джанка!

Конин занял место рядом с Валькой, кивнул на его руку в гипсе.

– Видимо, вы и есть наш Озирис.

Валька затаил дыЦиклопие. Подозрительно шмыгнул носом. Насторожился.

– Чего?

Конин прижал палец к губам, указал на сцену.

Публика затихла.

Джан набрала полную грудь воздуха, приподнялась на цыпочки.

– Я исполню песню на стихи замечательного поэта и командира Красной армии Жени Конина.

И шепнула что-то аккордеонисту.

Тот откинул чуб со лба, сосредоточился...

...бросил гибкие пальцы на белые клавиши – мотив щемил душу.

А Джан пела...

Она пела о своей любви. И в парке ей вторили птицы.

А когда Джан умолкла – увидела, что людей перед сценой было много, очень много. Они сидели на всех скамейках,

и стояли плотным полукольцом. Молчали, пораженные ее голосом, искренностью, тем добрым и всем понятным чувством, которое она подарила людям.

Пронзительные строки, написанные Кониным, и голос Джан ворвались в их души, словно свежий ветер в распахнутые окна...

Девушка с веснушками тихо всхлипывала. Притихший Валька робко гладил ее по пшеничным волосам.

Вдруг Валька вскочил, неистово потряс загипсованной рукой и закричал особенно звонко от полноты чувств.

– Молодец! Да здравствует Джанка! Ура! Красному командиру и замечательному поэту Конину!

И люди, которых привлекло к сцене из глубины парка, пение Джан, засмеялись, закричали «ура!», захлопали.

Джан позвала Кониная на сцену – Конин мигом оказался рядом с ней.

Они поклонились публике, и на сцену полетели цветы, цветы, цветы.

Конин поймал один букет и протянул цветы Джан.

– Бежим! А не то нас растерзают твои поклонники!

Они бежали по щедро залитой солнцем аллее, а на площадке у сцены аккордеонист уже наигрывал на своем дорогом немецком инструменте что-то из репертуара джаза Цфасмана. Парень, похожий на молодого Марка Бернеса, сидевший на корточках рядом с аккордеонистом, в такт музы-

ке мастерски отбивал на собственном бедре синкопы.

Валька поцеловал заплаканную «Веснушкину», и здоровой рукой утер ее слезы.

«Веснушкина» счастливо вздохнула.

Ревел мотоцикл. Конин и Джан неслись на нем по бесконечной аллее вдоль реки. Мимо проскальзывали вековые дубы и липы. Парк заканчивался, впереди дорога впивалась в широкое поле, простиравшееся до тонкой полоски, за которой сливалось с зеленой землей лазурное небо. Мотоцикл неудержимо увлекал Конина и Джан к этому таинственному пределу.

– Женька, Женька! – кричала Джан, захлебываясь восторгом и рвавшимся ей навстречу майским ласковым ветром. – Да ведь это... Это... счастье... Женька! Ветер! Река! Простор! И мы! Только мы!

– Ура! Джан! Моя Джан – синий кафтан! Смешная и милая! Джан! – кричал Конин, отчаянно давил на газ.

Далекое эхо смешивало их крики с мотоциклетным ревом. Ветер уносил и прятал в свежем клевере выбитую из проселка рыжую пыль.

Мотоцикл, свирепо воя, проскочил через деревянный мост, запыллил по предместью, промчался по лабиринту переулков, пока не оказался на прямой, как стрела, Малой Войцеховской улице. Мальчишки, высыпавшие гурьбой на тротуары, махали руками вслед отчаянным гонщикам.

Влетев во двор дома №14, Конин выключил мотор и мотоцикл присмирел, затих.

Подав руку Джан, Конин помог ей сойти с «железного коня». Джан, спускаясь с высокого седла и теряя равновесие, припала к плечу Конины – их обоих сразу окутала белая дымка.

– Послушай, – сказал Конин сквозь пыльную пелену, задержав Джан в своих руках, – я давно хотел сказать тебе...

– Что?

– Я люблю тебя.

– Это я уже слышала.

Джан посмотрела в лицо Конины – на белом, как маска, лице лучились лазурные горячие глаза.

– И я тебя. Люблю.

– Выходи за меня, Джан. Давай поженимся.

– Хорошо, – просто сказала Джан.

Улыбнулась.

– Только скажем об этом папе? Что душа в пятки? Испугался, женишок?

– Пуганые мы, – улыбнулся Конин.

– Тогда пойдем к нам. Я познакомлю тебя с гостями.

– С удовольствием! Идем!

Конин обнял Джан. Они прошли к парадному, миновав у подъезда большой черный автомобиль, возле которого скучал и покуривал долговязый командир с майорскими шпалами на петлицах. Конин на ходу дисциплинированно козыр-

нул майору. Но майор не ответил. Он мрачно размышлял о чем-то своем. И не обратил внимания на влюбленную парочку.

Глава двенадцатая

Вильно. 1941 год, апрель

Разгоряченные и радостные, от полноты чувств поцеловавшиеся на бегу, Конин и Джан появились в большой профессорской квартире. Их внезапный приход заметил разве что только Шмуйль Гиршкевич. Он вскочил, как ужаленный, из-за своей шахматной доски.

Профессор Бергер был слишком увлечен беседой с гостем, который сидел перед профессором, обратив обтянутую мундиром прямую спину к входным дверям. На рукаве его золотилась пятиконечная звезда. Между собеседниками дымился самовар. Профессор пытался подлить коньяку прямо в чайную чашку своего гостя. Но тот быстро и жестко отстранил руку старика, отказался.

– В другой раз, служба.

– Папа, предложи гостю своей вишневой наливки. Уверена, от нее-то он не откажется, – весело предложила Джан.

Гость обернулся. Заметил вошедших. Встал. Одернул мундир. Подтянутый, выбритый, коротко остриженный, он выглядел моложаво и бодро. Приветливая вежливая улыбка застыла на напряженных сухих губах.

Профессор суматошно всплеснул плоскими ладонями...

– Ох, Серж, про наливку я и забыл. Сейчас, сейчас.

Крикнул.

– Василиса!

– Генерал-майор Демидов, – представился военный.

– Да, да... Джаночка, познакомься! Мой старинный друг и приятель – Сергей Сергеевич Демидов.

Демидов протянул руку Джан.

Джан задорно стиснула крепкую генеральскую ладонь, сказала.

– Очень приятно, товарищ Демидов. Отец про вас много рассказывал.

И тут же рванула руку из генеральской ладони, отступила к Конину.

– Женья... Конин. Мой жених.

– Так уж сразу и жених, – проворчал профессор Бергер. – Рановато еще тебе женихаться, дочка. Курс в университет не кончен.

– Папа! – воскликнула, укоряя отца, Джан.

Отец сразу взял примирительный тон.

– Будет, будет, проходите, Женья, вам здесь всегда рады. Ну, что вы? Смелее, смелее... Присаживайтесь к столу... Чай еще горячий...

Из коридора вышла в гостиную дородная, простоватая женщина с голыми локтями – кухарка Бергеров Василиса.

– Звали? Ян Виллимович?

– Ты вот что, Василиса... Еще чашку... принеси... поскорее... И закуски... Что там еще в буфете. Пирог? Рыжики?

Краковскую нарежь... Детей покормить бы с дороги...

Домработница степенно поклонилась и ушла.

Профессор собственноручно раскладывал янтарное варенье по крошечным синим плошкам, хлебосольно потчевал гостей. Охотно объяснил дочери.

– Товарищ Демидов приехал принимать дивизию, в которой твой Женя служит. Вот сразу и решил навестить старого товарища. Меня то есть. Мя с Сержем... ведь еще в гражданскую... под Царицыным... Помнишь, Серж?

– Такое не забывается, – согласился Демидов. И в тоне его проскользнуло едва заметное неодобрение. Комдив поспешно спросил Кони́на.

– А вы, капитан, каким подразделением командуете?

– Седьмой разведбатальон.

– Почему не в лагерях?

– Увольнительная, товарищ комдив.

Взметнулась бровь Демидова.

– Однако! С сегодняшнего дня все увольнительные отменяю.

– Есть отменить увольнительную. Разрешите отбыть к месту службы?

Демидов озабоченно покосился на свои часы.

– Вам, капитан, пока разрешаю остаться.

Щелкнул полированным ногтем по стеклу циферблата.

– До восемнадцати ноль-ноль.

– Спасибо, товарищ Демидов. – поблагодарила генера-

ла Джан, – Женя очень хороший командир... Знаете, какие у него бойцы? Ребята – во, настоящие ворошиловцы! А что вы варенье не кушаете? Папа сам варил. Без косточек. Царское. Хотите вам положу?

Демидов поджал сухие губы.

– Сладкого не употребляю. Извините.

Но, подумав, согласился.

– Впрочем, хорошо. Положите, пожалуйста...

Джан с упоением продолжала, потчует генерала вареньем.

– А еще Женя пишет прекрасные стихи.

Демидов неодобрительно поморщился.

– Я не люблю, когда мой комсостав стихи пишет.

– Вот как, почему? – Джан вскинула на генерала прекрасные лукавые глаза.

Комдив отрезал без тени иронии.

– Видите ли, Джан... Стихи хороши для салонных барышень. А на войне требуются уставы. И никакой лирики.

– Или музыки? Или пушки? Небогат выбор, по-вашему, товарищ комдив, – иронично вздохнула Джан.

– Ну, знаете, – развел руками комдив.

Василиса принесла поднос, уставленный закусками. Быстро заставила стол тарелками с бутербродами, судками, соусниками. Сверкнул в ее белых руках заветный графинчик – прямо со льда, запотевший, прозрачный.

Профессор наполнил водкой рюмашки.

– Назначение обмыть полагается...

И щедро намазал хлеб маслом, черной икрой...

Василиса заботливо подлила в его стакан с крепким чаем рому из пузатой заграничной бутылки...

Бергер запротестовал, замахал готовым бутербродом...

— Гостям, гостям...

Шахматист Шмуйль шагнул к столу, устав томиться в своем углу за шахматной доской.

— Может быть, я пойду, Ян Виллимович?

— Ни в коем случае, Шура. Вы, к счастью, не в армии. Что вы, как неродной? Аппетит потеряли? Сейчас по рюмочке. И настроение улучшится. Давайте. Попробуйте водочки, вернется аппетит... Поверьте старику. К столу, к столу...

Шмуйль нерешительно присел к столу рядом с отцом Джан, сторонясь Демидова.

Профессор налил в стаканчик водки, поставил перед Шмуйлем... Тот нерешительно посмотрел на дно стакана, поморщился. Пить не стал. Трагически посмотрел на Василису.

— Лучше чаю. Пожалуйста.

Все улыбнулись, глядя на Шмуйлю.

Отец Джан поднял свой стаканчик.

— Предлагаю выпить за непобедимую Красную Армию. И за то, что в ней есть такие командиры, как Серж Демидов. Наслышан, наслышан о твоих подвигах.

Демидов улыбнулся, поднял стакан с чаем.

Джан с интересом посмотрела на Демидова.

Демидов залпом выпил, повернулся к Джан, не садясь...

– А когда вы нам расскажете... про боевые подвиги ваши, товарищ Серж Демидов?

– В следующий раз обязательно, моя дорогая. А пока разрешите оставить вас. Служба.

Демидов галантно поклонился Джан, кивнул Конину, остальным, вышел.

Джан встала из-за стола, подошла к окну, откинула занавеску.

В раскрытое окно всем в гостиной было видно, как Демидов усаживался в свой черный автомобиль, как взмахнул рукой на прощанье, а потом уехал.

Джан проворчала, задумчиво глядя на пыльный двор.

– Что он себе позволил? Моя дорогая...

Глава тринадцатая

Вильно. 1944 год, август

– Долго собираетесь меня здесь держать, майор? – спросил Агапова Конин.

– Пять или шесть дней, не больше. Требуется согласие Москвы на работу с вами. И потом... Полковник Сабатеев потребовал вашего немедленного ареста. Самое разумное, Макс, для вас – оставаться в этом отеле. Под охраной моих людей.

– Пять дней... У нас нет их, майор. Сутки, в лучшем случае двое – и на Демидова подготовят новое покушение. Скоро наступление.

– Откуда вы знаете?

– Об этом все говорят в городе. И не только.

– Вы неплохо осведомлены.

– Конечно. О Демидов е немцы знают все. Или почти... все. Ведь фюрер объявил его своим личным врагом.

Голос Конины потонул в грохоте, лязге...

– Танковая колонна прошла, – сказал Агапов, выключив магнитофон. В тот момент мимо отеля действительно один за другим шли и шли тяжелые танки «Иосиф Сталин». Технику перебрасывали через весь город к плацдарму, с кото-

рого планировалось начинать наступление. Стоя у окна отеля и беседуя с Кониным, Агапов подумал тогда, что зря выбрал этот отель в центральном квартале. Содержать Кони-на следовало бы в менее шумном месте, где-нибудь в одном из особняков предместья. Запись разговоров была бы более качественной. В Центре не любили, когда оперативные материалы были подготовлены неряшливо.

Шилов, злой и решительный, звякнул кареткой пишущей машинки.

– Зачем все это, товарищ Агапов?

– Что именно, Володя?

– Да возня... Магнитофоны, прослушка, микрофоны в его номере... Что ж мы... гестаповцы какие?

Агапов аккуратно снял ленту с магнитофона.

Шилов говорил и говорил, вдохновляясь своей искренней убежденностью.

– Человек из немецкого тыла вышел. Ясное дело – герой. Его бы к ордену. Столько лет под смертью ходил. А мы его... Все проверяем, недоверием обижаем. Ведь он же четко сказал – новое покушение гады готовят. Что? Да разве неправ я? Товарищ Агапов?

– Запрос в Центр готов? – сухо спросил майор, будто и не слышал ничего из того, что с такой горячностью только что упрямо твердил Шилов.

– Так точно, товарищ майор.

– Выслать с фельдъегерем. Ближайшей авиасвязью.

Шилов стиснул зубы.

– Я с ним под пулями... в театре... Он же меня...

– Лейтенант! Повторить приказ.

– Слушаюсь, – вскочил Шилов, шагнул в сторону, замер, –

Выслать запрос на агента Макса авиапочтой в семнадцать ноль-ноль. Адрес получателя – Москва, Главное управление контрразведки. Полковнику Смолякову, лично.

Агапов кивнул.

– Верно.

– Разрешите выполнять?

– Выполняй.

Прежде чем лейтенант покинул комнату, уставленную звукозаписывающей аппаратурой, Агапов подошел к Шилову и сказал ему, быстро взглянув в колючие, злые глаза.

– Вот в том-то и дело, Володя. Человек из немецкого тыла вышел... Это ты... правильно... в самую точку попал...

Шилов молчал, хмуро насупившись, ждал.

Молчал и майор Агапов. Думал.

Со своим помощником, навязанным ему генералом Елисеевым, майор Агапов держался ровно, без начальственного барства. Двадцатитрехлетний, ершистый, в сущности, еще совсем мальчишка, толком и пороку не понюхавший на фронте, Шилов нравился ему. Но он не имел права многое объяснять лейтенанту. Агапов по привычке, для пользы дела и самосохранения, хранил глубоко в себе собственные рабочие догадки, предположения, опасения. Он не мог ска-

зять Шилову, что тот, кого он назвал в театре именем агента, связь с которым оборвалась после Тегеранской операции, в действительности мог не быть Максом.

В папке, которую Агапов держал в своем секретном сейфе Главного управления контрразведки, среди текстов шифровок, датированных сорок первым и сорок вторым годами, наградных документов на ордена Боевого Красного Знамени и Красной Звезды на имя Макса, среди кодовых таблиц и списка позывных, не было фото самого Макса. Агапов не знал в лицо того, кто помог ему выйти в Тегеране на след группы Майера-Майера, благодаря кому удалось сорвать атаку немцами британского посольства.

Да, Макс был ценным, надежным поставщиком информации. Агапов вспомнил, как начинал работать с ним осенью сорок первого.

На связь с Агаповым Макс вышел на ранее неизвестной чекистам радиочастоте. Агапов тщательно перепроверил данные, полученные от неизвестного источника. Сведения оказались точными. Они помогли разоблачить широкую сеть абверовской агентуры в Северо-Западном районе, парализовать их «пятую колонну» в осажденном Ленинграде. Крупномасштабный план немцев по массовому уничтожению мостов, водокачек и электростанций города на Неве так и остался на бумаге. Потом были другие операции, успеху которых чекисты были обязаны Максусу.

Зимой сорок второго полковник Смоляков приказал Ага-

пову обеспечить Макса надежной радиосвязью. Но группа радистов капитана Карасевой, посланных на конспиративную явку под Магдебургом, с Максом так и не встретилась. На явку Макс не пришел. Вместо него конспиративную квартиру атаковали эсэсовцы. Радисты отстреливались три часа – все погибли. Об этом Агапов узнал через неделю после заброски группы Карасевой.

После провала группы Макс молчал три месяца. А затем из Лондона, через восточный отдел британской МИ-5, Агапов получил странную радиограмму, настоящий смысл которой открылся майору только после тщательного анализа и сопоставления косвенных данных. Деша была адресована немецкому резиденту в Манчестере. Британцы перехватили ее с помощью раскрытых ими новейших немецких методов шифрования. В депеше некто под псевдонимом «Макс» указывал немецкому резиденту на необходимость использования секретной ультракороткой радиочастоты, по которой во избежание британского контроля следовало передавать данные.

На этой частоте радисты Агапова вскоре получили шифровку, которая известила советскую разведку о плане немецкой резидентуры в Иране.

Получалось, что Макс, будучи очень ценным и надежным агентом, работал без обратной связи. Им было невозможно управлять из Центра, за что, кстати, Агапову часто пенял полковник Смоляков. Попытки наладить устойчивый канал

связи с Максом пресекались по причинам, остававшимся загадкой для Агапова. Но содержание шифрограмм, время от времени доходивших до стола Агапова, не позволяло советской разведке пренебрегать данными Макса.

Агапов напряженно работал, чтобы каждый раз, сопоставляя тысячи намеков, обстоятельств, цифр, прогнозов и оперативных сводок, докапываться до истины. Чтобы каждый раз доказывать – и себе, и начальству – Макс вне подозрений. Он – наш боевой товарищ и помощник в борьбе с сильным врагом.

Назвав в театре Кони́на Максом, Агапов сделал, как он думал, сильный и единственно верный ход. Он тронул сеть, раскинутую невидимым противником. И теперь должен был убедиться, что враг попадет в свою же ловушку. Если Кони́н окажется явным агентом Абвера или агентом-двойником, тогда можно будет использовать ситуацию в свою пользу. Опытный контрразведчик, Агапов знал, как и какие выгоды можно извлекать, грамотно используя перевербованную агентуру.

На самом ли деле Кони́н и есть тот самый Макс – это и предстояло выяснить Агапову. Задача непростая и крайне опасная. Ведь на кон в игре, в которую пришлось ввязаться Агапову, была поставлены не только его, Агапова, послужной список и жизнь, но и жизнь генерала Демидова, жизни сотен тысяч солдат и офицеров армии, готовой на днях перейти в Восточной Пруссии в решительное наступление.

– Вот что, Шилов... – сказал наконец Агапов.

– Слушаю, товарищ майор.

– Охрану Конины усилить. Выставить дополнительные посты. До получения решения о нем из Москвы – никого к нему не пускать. Все понятно?

– Так точно, – хмуро сказал Шилов, уходя исполнять приказ.

Глава четырнадцатая

Берлин. 1944 год, август

Трещал киноаппарат – в зале для закрытых просмотров Министерства юстиции показывали киноотчет о вчерашнем заседании Народного суда. Судили заговорщиков, осмелившихся свергнуть фюрера и власть национал-социалистской партии.

Многих из тех, кто угрюмо толпился за кованой решеткой, Вильке хорошо знал. Но теперь он ни за что не сознался бы в этом. Вид этих бывших людей, а теперь недочеловеков, поднявшихся против режима, против самого Адольфа Гитлера, этих подавленных, осунувшихся, давно небритых мужчин, поддерживавших скрюченными пальцами брюки (у них специально, по личному указанию фюрера, отобрали подтяжки, ремни, галстуки) и стыдившихся своих немытых исподних рубаш, внушал ему отвращение. Доктор Роланд Фрайслер, председатель фольксгерихта – высшего имперского суда, бесновался под кровавым полотнищем со свастикой, визгливо выкрикивал провокационные вопросы и глумился над подсудимыми, называя их «свиньями», «крысами, тонущими под килем линкора германской истории» и «подлыми наемниками масонской плутократии». Фрайслер брызгал слюной, и Вильке казалось, что вот-вот судья выскочит

из мерцавшего экрана, вцепится мелкими зубками в предплечье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.